ЦѢНА 25 КОП. СЕР.

КАТОЛИЦИЗМЪ

и

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ ВЪ

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ

АѲАНАСІЯ КОКРЕЛЯ, сына.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ J. J. T.

(Le Catholicisme et le Protestantisme, considérés dans leur origine et leurs développements par Athanase Coquerel Fils. Paris.)

ЛЕЙПЦИГЪ, ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ. | LEIPZIG, FRANZ WAGNER.

1866.

Prix 1 franc.

КАТОЛИЦИЗМЪ

и

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

разсматриваемые

въ ихъ

происхожденіи и развитіи.

КАТОЛИЦИЗМЪ

И

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ ВЪ

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ И РАЗВИТІИ

АѲАНАСІЯ КОКРЕЛЯ,

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПЕРЕВЕЛ

(Le Catholicisme et le Protestantisme, considérés dans leur origine et leurs développements par Athanase Coquerel Fils. Paris.)

ЛЕЙПЦИГЪ, ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ. | LEIPZIG, FRANZ WAGNER.

1866.

2007041514

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ настоящее время, когда, съ одной стороны, Римско-Католическая Церковь сильно колеблется въ своихъ основаніяхъ, а съ другой — Протестантская стремится къ возсоединенію съ Греко-Россійскою, во славу и къ торжеству этой послѣдней, — особенно любопытно прослѣдить главныя причины столь знаменательнаго кризиса.

Предлагаемая брошюра кратко и ясно указываетъ на эти причины, излагая происхожденіе и развитіе Римскаго Католицизма и — въ противоположность ему — Протестантизма.

Изъ чтенія ея легко убѣдиться, ка̀къ значительно Римская Церковь уклонилась отъ простоты великихъ истинъ Евангельскихъ, и какъ ложенъ основной принципъ ея — *папскій авторитетъ*.

Сочинитель, впрочемъ, обратилъ вниманіе преимущественно на *духовный* авторитетъ папы; намъ же кажется, что и *свѣтская власть* римскаго первосвященника имѣла губительное вліяніе на самую религію. Не говоря уже о томъ, что эта власть вообще несовмѣстна съ духовнымъ характеромъ Христіанства, вспомнимъ только то, что безъ этой власти Римская Церковь едва-ли могла бы создать, или по крайней мѣрѣ-такъ долго поддержать, *Инквизицію*, — этотъ фактъ полнаго извращенія Евангельской морали. Инквизиціонный же духъ по сихъ поръ удержался въ этой Церкви, и выражается особенно въ *религіозной нетер-*

пимости, — этомъ поразительномъ противорѣчіи духу и кротости ученія Спасителя. Не трудно, однакожь, понять, что вѣротерпимость не мыслима въ такой Церкви, гдѣ все основано на авторитетѣ и непреложности.

Спрашивается, что̀-же именно поддерживаетъ въ Римской Церкви подобные анахронизмы среди 19го вѣка?

Правда, свѣтская власть папы разрушается уже на нашихъ глазахъ; но за-то духовный авторитетъ его будетъ, вѣроятно, еще долго существовать, и по нашему мнѣнію, преимущественно отъ дѣйствія *трехъ причинъ:* 1) вслѣдсвіе не-религіозныхъ, но политическихъ убѣжденій и соображеній Западныхъ Государствъ; 2) отъ совершеннаго равнодушія истинно просвѣщенныхъ католиковъ къ этому несвязующему ихъ совѣсть принципу авторитета, и 3) напротивъ, вслѣдствіе изувѣрства неразвитаго класса послѣдователей Римской Церкви, — класса, на которомъ римское духовенство можетъ легко изощрять все свое вліяніе, и который, не забудемъ однакожь, еще составляетъ главную массу націй.

Подробное историко-философское изслѣдованіе этихъ *трехъ причинъ,* могло бы послужить предметомъ обширнаго и серіознаго сочиненія, — а въ матеріалахъ недостатка не было бы. Навести кого нибудь на мысль подобнаго предпріятія было-бы новымъ доказательствомъ, что предметъ заслуживаетъ труда и вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — исполненіемъ нашего искренняго желанія.

Надѣемся, между тѣмъ, что эта брошюра вызоветъ, по крайней мѣрѣ, серіозныя возраженія, которыя и будутъ способствовать къ разъясненію разбираемаго вопроса, — а во всякомъ случаѣ, расчитываемъ на снисходительность читателя къ сильной, но невольной *шереховатости* перевода.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Курсъ христіанской религіи долженъ быть преимущественно положительнымъ преподаваніемъ. Существеннымъ же предметомъ его служитъ не разборъ разногласій, могущихъ существовать между различными церквями, но общая основа находимая подъ всѣми видами христіанства.

Невозможно, однакожъ, не поучать протестантовъ въ томъ, что такое римскій католицизмъ, и въ чемъ онъ расходится съ нашимъ христіанствомъ, болѣе простымъ и болѣе евангельскимъ. Равно необходимо, въ наше время, припомнить великіе принципы реформаціи и указать, по крайней мѣрѣ, на два направленія повсюду разъединяющія протестантовъ.

Съ цѣлью удовлетворить этой двойной потребности, отецъ мой, въ продолженіи многихъ лѣтъ, давалъ своимъ слушателямъ, внѣ и вслѣдствіе собственно религіознаго поученія, двѣ частныя бесѣды о католицизмѣ и о принципахъ реформаціи. Я послѣдовалъ его примѣру, и во многомъ воспользовался его замѣтками, принявъ форму болѣе историческаго разсказа, нежели отвлеченнаго разбора, и прибавивъ къ другимъ документамъ то, что пріобрѣтено мною при изученіи католицизма, по его собственнымъ памятникамъ, и въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ онъ образовался и откуда сталъ господствовать надъ міромъ.

Едва-ли необходимо замѣтить, что неизбѣжная

краткость двухъ чтеній заставила меня, такъ сказать, съузить этотъ двойной предметъ. Въ частности, касательно католицизма, я не поднялъ грознаго вопроса о томъ, гдѣ именно долженъ пребывать рѣшительнымъ образомъ верховный авторитетъ, верховная власть. Относительно этого пункта, какъ и многихъ другихъ, я ограничился указаніемъ на одно не очень пространное, но очень замѣчательное, хотя къ сожалѣнію мало извѣстное сочиненіе, подъ названіемъ: *Письмо къ моему приходскому священнику* (Lettres à mon curé), образцовое произведеніе умѣренной и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимой полемики.

Часто уже требовали отъ меня печатанія этихъ двухъ бесѣдъ. Въ этомъ году двое изъ слушателей моихъ стенографировали ихъ такъ добросовѣстно и точно, что я признаю себя обязаннымъ выразить имъ живѣйшую благодарность. Пересмотрѣвъ ихъ редакцію, я издаю ее теперь, чувствуя себя счастливымъ, что такимъ образомъ еще могу служить, посредствомъ печати, той церкви, которой я съ такою любовью преподавалъ съ каѳедры ученіе Евангельское *).

25 апрѣля 1864.

Аѳ. Кокрель сынъ.

*) Извѣстно, что протестантская конгрегація въ Парижѣ лишила этого достойнаго пастора каѳедры, признавъ его ученіе слишкомъ протестантскимъ, т. е. слишкомъ опаснымъ для Римской Церкви. Примѣч. Переводчика.

КАТОЛИЦИЗМЪ

И

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ ВЪ ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ И РАЗВИТІИ.

I.

КАТОЛИЦИЗМЪ.

Займемся сперва Католицизмомъ. Мы будемъ изучать этотъ важный и трудный предметъ съ чувствами подобающими при разсматриваніи всякаго религіознаго вопроса. Не забудемъ, что имѣемъ много соотечественниковъ, друзей, можетъ даже, родственниковъ, чистосердечно преданныхъ этой формѣ религіи; что во Франціи и во всякой странѣ есть множество католиковъ серіозныхъ, искренно убѣжденныхъ, которымъ эта форма служитъ источникомъ добра, нравственной силы, подпорой, утѣшеніемъ. Вспомнимъ также, что каждый разъ, когда дѣло идетъ о какой бы то ни было религіи, если таковая даже и заблуждается во многомъ, — мы должны приступать къ вопросу серіозно и съ уваженіемъ.

Католицизмъ есть не только религія, но и одинъ изъ видовъ *христіанской религіи*; тотъ же Богъ, тотъ же Христосъ, тоже Евангеліе намъ общи съ нашими

собратами римской церкви; слѣдовательно мы должны питать къ нимъ братскія чувства, симпатію, совершенно особенное благорасположеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выскажемъ прямо откровенно нашу мысль; мы заявимъ доброе и истинное повсюду гдѣ мы ихъ найдемъ, и укажемъ во всей простотѣ на то, чего мы не можемъ одобрить.

Между всѣми видами христіанской религіи, католицизмъ отличается въ особенности тѣмъ, что онъ представляетъ собою видъ *авторитета* (власти — autorté); это-христіанизмъ толкуемый и исполняемый по системѣ авторитета, но авторитета не небеснаго, а земнаго, авторитета видимаго, присутствующаго, живущаго между людьми; вотъ, великій принципъ, на которомъ опирается католицизмъ.

Если мы мысленно обратимся къ Евангелію, къ Іисусу, къ религіи которую онъ проповѣдывалъ на берегахъ Генезаретскаго озера, въ лодкѣ Петра или Іоанна, или на холмахъ Галлилейскихъ, и если мы сравнимъ эту религію съ формой католической, въ томъ видѣ какъ она нынѣ исповѣдывается во Франціи, Испаніи и Италіи; то найдемъ между ними огромную разницу. Когда Іисусъ говорилъ, онъ поучалъ въ религіи существенно внутренней и духовной, религіи сердца и совѣсти, религіи весьма несложной, имѣвшей весьма мало догматовъ, еще менѣе обрядовъ и никакой пышности, — религіи свободы; и мы видимъ, что апостолы, и между ними св. Павелъ, величайшій по генію, вѣрѣ и дѣяніямъ, объявляетъ, что онъ „не беретъ власть надъ вѣрою вашею", въ Посланіи къ Коринѳянамъ (11 Кор. 1, 24.)

Католицизмъ, напротивъ, въ настоящемъ его видѣ, въ его торжествахъ въ Notre Dame, напримѣръ, или въ Римѣ, во всей его пышности, — католицизмъ этотъ обремененъ подробностями, уставами, суетливыми требованіями, пышными церемоніями, и окруженъ всѣмъ блескомъ земнымъ; онъ имѣетъ *царство въ этомъ мірѣ* и множество средствъ

заявлять свою власть передъ тѣми, которые его приняли, въ немъ родились и пребываютъ.

Какимъ образомъ религія, преподанная Іисусомъ въ Капернаумѣ и во храмѣ Іерусалимскомъ, стала религіею, которая вся выражается во власти и во внѣшности, какъ въ римской церкви? Какимъ образомъ совершилась эта перемѣна?

Вотъ предметъ, которымъ мы займемся сегодня.

Мы не намѣрены предпринять опроверженіе католицизма, догмата за догматомъ или церемоніи за церемоніею; мы хотимъ только расказать его исторію, разсмотрѣть какъ онъ произошолъ, образовался и развился, откуда вошло въ него все то, чего въ началѣ въ немъ не было, и доказать какія важныя различія существуютъ между тѣмъ, что́ онъ теперь есть, и тѣмъ чѣмъ христіанская религія была въ началѣ.

Прежде нежели войдемъ въ подробности, мы представимъ три очень простые принципа, истекающіе изъ опыта прошедшаго; вспомнимъ три закона исторіи, которые будутъ руководить нами при изученіи настоящаго предмета.

1⁰ Человѣкъ, перемѣняя свою религію, какъ то сдѣлали первые ученики Іисуса, бывшіе всѣ отъ рожденія евреи или язычники, — и входя въ общество вѣрующихъ различное отъ того, въ которомъ онъ образовался, всегда приноситъ съ собою нѣчто изъ своей прежней религіи, своихъ прежнихъ вѣрованій, привычекъ и вкусовъ; это не минуемо даже и тогда, когда онъ съ чистосердечіемъ принимаетъ всѣ новыя идеи. По этому самому, когда появляется новая религія, въ ней всегда можно найти нѣсколько прежнихъ элементовъ, невѣдомо и даже, может, невольно внесенныхъ въ нее. Что вѣрно объ одномъ человѣкѣ, то еще и вѣрнѣе когда дѣло идетъ о множествѣ народовъ, одновременно вступающихъ въ ту или другую церковь.

2⁰ Нашъ второй принципъ равно основанъ на

исторіи и опытѣ народовъ. Когда какая либо религія имѣетъ принципомъ *власть* (авторитетъ-autorité), очень естественно и неизбѣжно, что она удерживаетъ изъ установленныхъ обрядовъ и обычаевъ предшествовавшихъ ей религій, по возможности болѣе то, что ей кажется полезнымъ для собственной подпоры. Всякая религія основанная на власти необходимо ищетъ подпоры во всемъ томъ, что можетъ подчинять себѣ души, и старается усилить свой новый авторитетъ уже установленнымъ и господствующимъ авторитетомъ.

3° Наконецъ, когда какая либо религія зиждется на принципѣ авторитета, она уже никогда не можетъ отказаться отъ однажды принятаго ею. Такія религіи называютъ себя непреложными, непогрѣшительными; онѣ и должны такъ называть себя, иначе ихъ авторитетъ крушится. Что до насъ, то мы вѣримъ, что одинъ только Богъ непогрѣшителенъ, а не люди; мы признаемъ одинъ только совершенный авторитетъ, но этотъ авторитетъ, эта власть—*на небѣ*; для римской церкви, она—*на землѣ*. Когда церковь, однажды приняла какой либо догматъ, она уже не можетъ отдѣлаться отъ него она должна его удержать, защищать, вѣчно преподавать; въ противномъ случаѣ, т. е. если она отрекается отъ чего бы то ни было, непогрѣшительность ея гибнетъ, опровергается ею самой.

Католическая религія образовалась постепеннымъ внесеніемъ въ христіанизмъ чуждыхъ элементовъ; сначала — элементовъ *еврейскихъ*, затѣмъ элементовъ *языческихъ*, и, наконецъ, элементовъ средневѣковыхъ, которые можно характеризировать названіемъ *варварскихъ*, или, другими словами, элементовъ принесенныхъ народами, которые не были ни Греки, ни Римляне, а націи наводнившія и разрушившія римскій міръ.

1. *Еврейскіе элементы.* Книга Дѣяній апостоловъ и Посланія Св. Павла имѣютъ главнымъ предметомъ одинъ важный фактъ, который неопровержимъ, хотя и

не принимается вовсе во вниманіе предубѣжденными читателями. Это — продолжительная горячая общая борьба, раздѣлявшая тогда христіанъ. Заблуждаются тѣ, которые воображаютъ, что первые христіане были во всемъ согласны между собою, что между ними не было никогда сильныхъ раздоровъ. Была борьба, было разногласіе въ одномъ очень важномъ пунктѣ. Христіане, бывшіе прежде евреями, принесли съ собою въ христіанскую религію свои привычки, строгую точность въ исполненіи обрядовъ, вкусы Іудаизма, и требовали, чтобы Моисеевъ законъ былъ для всѣхъ обязателенъ; тогда какъ, съ другой стороны, христіане изъ язычниковъ, никогда неисполнявшіе обычаевъ Іудейскихъ, не хотѣли подчиниться имъ, не хотѣли принять это иго, объявляя себя свободными. Св. Павелъ защищалъ этихъ послѣднихъ, а болѣе робкій св. Петръ, увлекшись движеніемъ, самъ удержалъ и возлагалъ на другихъ исполненіе обрядовъ Іудейскихъ. Отсюда произошла сильная борьба, въ которой оба апостола приняли участіе. По этому именно случаю св. Павелъ говоритъ въ своемъ Посланіи къ Галатамъ. „А когда Петръ пришелъ въ Антіохію, тогда я лично противусталъ ему, ибо онъ подверженъ былъ нареканію“ *(Гал. II, 11.)* Петръ дѣлалъ опасныя уступки евреямъ обратившимся въ христіанство и желавшимъ обязать всѣхъ исполненіемъ Моисеевыхъ законовъ, принудить ихъ, напримѣръ, не ѣсть того или другаго мяса, и отличать животныхъ чистыхъ отъ нечистыхъ, т. е. дозволенныхъ и запрещенныхъ для пищи. Павелъ, напротивъ, не хотѣлъ, чтобы христіане были принуждаемы снисходить съ высоты ихъ духовности въ узкій кругъ законовъ воздержанія. „Посему, говоритъ онъ Галатамъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства.“ *(Гал. V, 1.)*

Должно однакожь согласиться, что Павелъ, хотя и былъ правъ при жизни, былъ наконецъ, со временемъ побѣжденъ, и мнѣніе св. Петра, нѣсколько, ко-

печно, смягченное, восторжествовало; христіанъ ужъ не обязывали быть совершенными евреями; но при всемъ томъ они не вполнѣ сохранили проповѣданную св. Павломъ свободу, и не вполнѣ отдѣлались отъ Моисеева закона. Это была сдѣлка, отсюда и происхожденіе католицизма; отсюда извѣстные обычаи разнаго рода изъ Іудаизма, и между прочими — постъ.

1° Св. Павелъ сильно возстаетъ противъ *поста;* онъ пишетъ къ Колоссянамъ: „И такъ, если вы со Христомъ умерли для вещественныхъ началъ міра; то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: (Не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся; что все по злоупотребленію пагубно;) по заповѣдямъ и ученію человѣческому? Это имѣетъ только видъ мудрости въ самовольномъ служеніи, смиренномудріи и изнуреніи тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти.“ (Колосс. II., 20—23.) Въ другомъ мѣстѣ пишетъ онъ къ христіанамъ въ Римѣ: „Царство Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ.“ (Римя. XIV, 17.) Наконецъ Коринѳянамъ говоритъ онъ: „Все, что продается на торгу, ѣшьте безъ всякаго изслѣдованія, для *спокойствія* совѣсти“ *) (1 Кор. X, 25). Всѣмъ извѣстно, что римская Церковь не дозволяетъ во всякое время ѣсть все то, что продается въ мясныхъ лавкахъ, а въ постъ въ особенности запрещаетъ употребленіе той или другой пищи.

Однимъ словомъ, Павелъ одухотворялъ все въ христіанствѣ, тогда какъ Церковь мало по малу увлекалась въ матеріальные обряды, узаконенные обычаи, внѣшнее господство власти, заимствованное у Іудаизма.

2° Со времени Вавилонскаго плѣненія, Евреи все болѣе и болѣе преувеличивали идею, что Богъ посылаетъ дѣятелей-посредниковъ для исполненія своей воли; они думали, что ангелы совершали рѣшенія

*) Не безпокоясь недоумѣніемъ, колебаніемъ совѣсти.

божія: счастливое приписывалось доброму ангелу, а несчастіе — злымъ ангеламъ, демонамъ. Слѣдствіемъ этаго было, что обожаніе ангеловъ перешло изъ Іудаизма въ христіанизмъ. Напрасно говорилъ Павелъ: „Никто не долженъ васъ обольщать самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ Ангеловъ, входя въ то, чего не видѣлъ.“ (Колосс. II, 18.). Св. Павла не послушали, и теперь въ римской Церкви ангелы, какъ Св. Михаилъ, Гавріилъ и Рафаель, пользуются тѣмъ благоговѣніемъ, тѣми почестями и обожаніемъ, которые Апостолъ воспрещалъ.

3° Но что, можетъ, еще важнѣе, такъ это идея *Іерархіи* и церемоніальное богопочитаніе, вошедшія изъ Іудаизма въ христіанизмъ. Евреи имѣли первосвященника, верховнаго жреца; затѣмъ жрецовъ составлявшихъ двадцать четыре семейства, и, наконецъ, левитовъ. Эти лица пользовались особенною святостью и преимуществами, которыя все болѣе и болѣе, по степенямъ приближали ихъ къ Богу, — идея совершенно чуждая первобытному христіанизму. Въ первыя времена достоинства епископа (или *надзирателя)*, пастырей, священниковъ (или *старѣйшинъ*), имѣли всѣ одинъ и тотъ же смыслъ, и употреблялись безразлично въ Св. Писаніи: „Изъ Милета пославъ въ Ефесъ, онъ (Павелъ) призвалъ *пресвитеровъ тамошней* церкви *). И когда они пришли къ нему, то онъ сказалъ имъ: . . . И такъ берегите себя и все стадо, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ *блюстителями* **).“ (Дѣян. Ап. XX, 17, 28).

Теперь же, простымъ священникамъ не сказали бы: *берегите стадо, въ которомъ вы блюстители* (епископы). И такъ, епископъ и священникъ были тогда синонимы. Св. Павелъ пишетъ также къ Титу „какія высокія качества долженъ имѣть *пресви-*

---

*) Въ переводѣ французскомъ: „Прибывъ въ Милетъ Павелъ призвалъ пастырей Ефеской Церкви.

**) Епископами.

теръ,“ и далѣе: „Епископъ долженъ быть безпороченъ, какъ домостроитель Божій“ (Тит. 1, 7). Въ Посланіи къ Филиппійцамъ, онъ обращается съ своимъ письмомъ къ „Епископамъ и Діаконамъ“ (Филипп. I, 1.) Даже и самъ Петръ, котораго съ тѣхъ поръ считаютъ первымъ папой, епископомъ по превосходству, пишетъ: „Пастырей вашихъ увѣщеваю я, сопастырь (пастырь, какъ и они) (1 Петр. V, 1).“ И мы видѣли что Павелъ *лично противосталъ* тому самому Петру, не скрытно, а явно провозглашая объ этомъ. Гал. II, 11).

И такъ идея іерархіи не существовала во времена апостольскія; она вышла изъ Іудаизма и постепенно ввелась въ римскую Церковь. Съ нею распространился вкусъ къ блестящимъ церемоніямъ, и роскоши внесенной въ святилищѣ.

4⁰ Другое злоупотребленіе, которое намъ послужитъ переходомъ къ элементамъ языческимъ (ибо мы здѣсь должны замѣтить двойное дѣйствіе идей еврейскихъ и языческихъ на христіанизмъ),—это идея все болѣе и болѣе придаваемая смерти Іисуса Христа. *Жертва* была всеобщей формой богопочитанія, принятой одинаково язычниками и евреями; когда хотѣли поклоняться божеству, вымолить себѣ прощеніе, благодарить, или просто молиться ему, тѣ и другіе приносили жертвы; такъ какъ Іисусъ положилъ конецъ этому всюду господствовавшему обычаю, и замѣнилъ это совершенно наружное богопочитаніе, инымъ духовнымъ, гдѣ все душа, гдѣ кровь жертвъ уже не нужна; такъ какъ, съ другой стороны цѣлый, міръ не можетъ въ одинъ день отречься отъ вѣковаго вѣрованія,—то и показалось естественнымъ удержать по крайней мѣрѣ слово, если не самое дѣло, и сравнить смерть Іисуса съ *послѣдней* жертвой, содѣлавшей впредь всякую другую жертву безполезной и посвятившей начало новой эры. Въ самой отдаленной древности, люди всегда думали, что можно приношеніями вымолить божескую милость; приносить жертву значило вначалѣ содѣлать какую либо вещь *святою*,

освятить ее. Стада будучи тогда единственнымъ богатствомъ, лучшія изъ нихъ головы были приносимы въ жертву. Смерть жертвы, заявленная пролитіемъ крови, была самой торжественной минутой богопочитанія, и крови постепенно приписали особенную силу, особенное свойство къ склоненію и умилостивенію боговъ. Всѣ эти идеи, которыми первые христіане были напитаны, примѣнены ими же Іисусу и его смерти, хотя распятіе на крестѣ была казнь, при которой весьма мало крови было пролито. Это были поразительные образы, представлявшіеся воображенію св. писателей. Позже, евреи и язычники, обратившись въ христіанъ и привыкши съ дѣтства къ жертвоприношеніямъ, тѣмъ легче привыкли называть смерть Іисуса *жертвой*. Со временемъ, причащенію дали названіе жертвы литургіи, и эта церемонія, которая для всѣхъ римскихъ католиковъ есть, какъ мы объяснимъ далѣе, возобновленіе жертвы Іисуса, приняла въ богослуженіи все большее и большее значеніе.

Сказанное выше достаточно можетъ дать идею еврейскихъ элементовъ, которые уже рано примѣшались къ ученію Іисуса Христа.

II. *Языческіе элементы.* — Въ эту эпоху, религія Грековъ, принятая Римлянами, была распространена съ завоеваніями въ бо́льшей части свѣта: эта религія была-политеизмъ, т. е. она признавала множество боговъ представлявшихъ сначала явленія природы, а потомъ принимавшихъ мало по малу видъ болѣе человѣческій. Этотъ политеизмъ нѣсколько измѣненный римскимъ духомъ, сталъ религіею большей части народовъ въ то время, когда апостолы начали проповѣдывать христіанскую религію. На всемъ тогда глубоко отпечатывался характеръ римскій. Римляне оставили по себѣ слѣдъ на всемъ, чего только коснулись. У нихъ было такъ много силы воли, а въ ихъ образѣ мышленія и дѣйствія такъ много лукавства и насилія, что все сохранило знакъ ихъ господства. Одинъ латинскій поэтъ хва-

литъ своихъ соотечественниковъ за этотъ духъ наводненія и господства, доведенный ими до большаго искуства; „Ты, Римлянинъ, вспомни, что твое назначеніе—управлять народами, вотъ единственное искуство тебя достойное (или, тебѣ свойственное, приличное *)" И, дѣйствительно, въ римскомъ духѣ было нѣчто существенно *господствующее*, и этотъ духъ, однажды внесенный въ христіанизмъ, въ Церковь, вкоренился тамъ.

Другая характеристическая черта римскаго духа, отъ которой въ Римѣ еще остались нѣкоторые слѣды, это—весьма сильный вкусъ къ *преданію*. Въ Римѣ произошло столько удивительныхъ и чудесныхъ вещей, Римъ такъ умѣлъ наложить на міръ свои законы, свою волю, свои обычаи, что Римляне, гордясь своимъ прошедшимъ, придерживаются его съ чрезвычайной энергіей. Они издавна имѣютъ эту наклонность; извѣстныя даже слова имѣютъ для нихъ кaую-то магическую силу, и производятъ на нихъ совершенно особенное впечатлѣніе,—словъ чтимыя впродолженіи двадцати или двадцати пяти вѣковъ, со времени существованія Рима.

Таково, напримѣръ, достоинство или титулъ *верховнаго первосвященника* (souverain pontife). Римъ въ началѣ былъ малымъ городомъ, просто укрѣпленнымъ и выстроеннымъ на одномъ только холмѣ Палатинскомъ; онъ вскорѣ наводнилъ ближайшіе косогоры. По другой сторонѣ Тибра возвышался надъ другими холмъ Яникулъ, который имѣлъ то значеніе, что Римъ тогда только находился въ безопасности, когда непріятель не могъ напасть на него съ этой стороны; на Тибрѣ наведенъ былъ мостъ ведущій къ Яникулу. Этотъ мостъ сталъ ключемъ города; и отъ содержанія его въ хорошемъ состояніи, облегчавшемъ быстрое передвиженіе войскъ къ Яникулу,

---

*) Tu, regere imperio populos, Romane, memento:
Hae tibi erunt artes. (Virg., AEn., VI. 851.)

зависѣла безопасность Рима; съ этой цѣлью охраненіе моста было ввѣрено особому отряду, называвшемуся „отрядомъ *понтифовъ*“, т. е. строителей (faiseurs) мостовъ; ихъ начальникъ назывался верховнымъ понтифомъ, и занятіе этого лица казалось до того важнымъ для безопасности государства, что ему придали характеръ религіозный, жреческій (священническій, sacerdotal), а личность его, съ первыхъ же временъ исторіи Рима, признана была священной; онъ не подлежалъ ни тюремному заключенію, ни тѣлесному наказанію; ибо необходимо было чтобы мостъ постоянно находился въ исправности и подъ надзоромъ его. Потому-то и видимъ мы, какъ съ первыхъ временъ главныя лица государства добивались достоинства верховнаго понтифа, чтобы содѣлать свои особы неприкосновенными. Консулы и первые магистраты, всѣ домогались этого достоинства. Позже, первымъ дѣломъ императоровъ было наименованіе себя верховными понтифами. Наконецъ, когда римскіе епископы пріобрѣли политическую власть, они въ свою очередь назывались верховными понтифами. Забыты были и Яникулъ и мостъ, но самое названіе, продолжая внушать глубокое почтеніе, осталось. Мы видимъ, напримѣръ въ Римѣ, на народной площади, обелискъ, у котораго съ одной стороны—надпись, указывающая что онъ принесенъ былъ въ Римъ верховнымъ понтифомъ, Цезаремъ Августомъ, а съ другой стороны, другая надпись, гласящая, что этотъ обелискъ воздвигнутъ на этой площади верховнымъ понтифомъ Сикстомъ V. И такъ, одинъ и тотъ же титулъ, на одномъ и томъ же памятникѣ, равно данъ языческому императору и епископу римскому, главѣ католицизма. Вотъ до какой степени устарѣвшія идеи, слова, преданія остались дорогими для римлянъ, и сохранили столь сильное вліяніе на ихъ умы. —

Послѣ этого не удивительно вовсе, что католическая Церковь заимствовала у Римлянъ тотъ характеръ преувеличеннаго уваженія къ преданію, ко-

торый можно назвать *традиціонализмомъ*, т. е. страстнымъ почитаніемъ всего древняго. Оттуда же послѣдовало, что когда Римляне. т. е. не только жители Рима, но и всѣ народы приноровленные къ игу его, приняли христіанскую религію, они упорно удержали множество древнихъ обычаевъ; это до того вѣрно, что обычаи и форма христіанскаго богопочитанія, въ нынѣшнее время имѣютъ большую аналогію съ обычаями и формой языческаго богопочитанія въ прежнія времена. Такъ, напримѣръ, у входа языческаго храма находился сосудъ съ освященной водой (bénitier-кропильница), какъ и теперь въ католической Церкви, —съ тою только разницею, что въ первомъ вода вмѣсто *освященной* называлась *очистительною* (lustrale); только названіе измѣнилось, вещь осталась таже. И здѣсь и тамъ употреблялись восковыя *свѣчи*, горящія лампы, ладонъ, приношенія по обѣту (ex-voto) (M. Maury, de l'Institut, *Religions de la Grèce antique*, t. II, p. 48, etc.) Въ Неаполитанскомъ музеѣ даже сохранились нѣкоторые языческіе ex—voto, какъ-то: ноги, руки, глаза, и т. д., обѣщаемые больными язычниками въ даръ богамъ, если они ихъ исцѣлятъ, и выставляемые ими въ храмахъ въ знакъ признательности. Тоже самое дѣлается теперь и въ католической Церкви; только это-ужъ какому нубудь святому отдается подобная почесть, тогда какъ прежде она отдавалась какому нибудь богу. Можно бы взять эти языческіе ex-voto и развѣшать въ католической Церкви: никакого даже измѣненія не понадобится.

Есть также въ католической Церкви, какъ-то было прежде въ языческихъ храмахъ, *сокровищницы*, т. е. мѣста менѣе доступныя, гдѣ сохраняются драгоцѣнныя вещи, золотыя, серебряныя, и дорогія каменья.

Образа — одно и тоже въ богопочитаніи языческомъ, какъ и въ римско-католическомъ. „Обожаніе этихъ фигуръ (въ языческой Греціи) было основано точно на той же идеѣ, изъ за которой католики обожаютъ образы

(изображенія) Бога и святыхъ." (Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, 1. c). Дѣйствительно вовсе не думали, что *идолъ* былъ самъ богъ, точно также какъ католики не говорятъ, что образъ есть святой имъ изображаемый, но что отдавая честь изображенію святаго, они только свидѣтельствуютъ ему почитаніе.

Мы привыкли узнавать по лучезарному вѣнцу вокругъ головы изображеніе святаго; но тоже самое можно сказать объ языческихъ божествахъ, такъ какъ сохранились древнія фигуры боговъ и богинь, у которыхъ головы обведены подобными вѣнцами; только эти послѣдніе назывались *сіяніемъ* (nimbes); опять и здѣсь названіе измѣнилось, знакъ остался тотъ-же.

Что касается *Реликвій*, (останки) — Reliques — то напрасно нѣкоторые думаютъ что эти предметы богопочитанія свойственны исключительно католицизму; это заблужденіе: и этотъ обычай заимствованъ у язычества. „Они (язычники) сохраняли также, говоритъ Г. Мори, во храмахъ, или въ мѣстахъ священныхъ, настоящія реликвіи. Одна изъ знаменитѣйшихъ была кость Кекропсова плеча. Легенда расказываетъ, что одинъ рыбакъ изъ Этруріи, по имени Дамарименосъ, нашелъ эту драгоцѣнную кость въ морѣ, какимъ-то чудеснымъ образомъ. Во времена Павзанія она была положена въ бронзовый ящикъ. Ей приписывали свойство исцѣлять извѣстныя болѣзни при одномъ прикосновеніи къ ней, и даже утверждали, что она прекращала эпидемію. Большой палецъ отъ ноги Пирра, производившій чудеса, также высоко цѣнился и сохранялся.

Каждый городъ съ гордостью показывалъ свои мнимыя реликвіи, которыя привлекали къ нему поклонниковъ и обезпечивали ему покровительство неба. Въ Мантинеѣ сохранялись при олтарѣ Геры кости Аркаса, сына Каллисто, принесенныя изъ Менала, въ слѣдствіе отвѣта оракула Дельфійскаго. Ѳивы показывали кости Геріона; Тегея (Tégée) — волосы Медузы; — Скиросъ останки Тезея. Въ Антиссѣ показы-

вали голову Орфея. Многія гробницы имѣли подобно гробницамъ святыхъ, силу исцѣленія болѣзней. Такъ, въ Тироатидѣ, гіеронъ Полемократа, одного изъ сыновей Макаона, былъ посѣщаемъ туземными жителями: туда приводили больныхъ для исцѣленія. Разныя вещи будто принадлежавшія извѣстнымъ лицамъ и служившія къ ихъ употребленію, были почитаемы наравнѣ съ реликвіями. Въ Филонтѣ, во храмѣ Деметера, показывали колесницу Пелопса, а въ сокровищницѣ Сиціоновъ, въ Олимпіи, его же шпагу; въ Аѳинахъ сохранялась лодка Тезея; въ Сизикѣ, камень послужившій якоремъ для Аргонавтовъ." (Relig. de la Grèce ant., II p. 52)

Изъ этого видно, что древній обычай въ этомъ отношеніи былъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, что въ настоящее время дѣлается въ римской Церкви. Болѣе того еще: есть изображенія, въ которыхъ обѣ религіи сливаются и смѣшиваются. Въ Равеннѣ, въ древней крещальнѣ, сохранилась мозаика, изображающая Іоанна Крестителя крещающимъ Іисуса; и для указанія что дѣло происходитъ на берегахъ Іордана, представленъ богъ-рѣки Іордана, присутствующимъ у крещенія Іисуса, точно на подобіе боговъ-рѣчныхъ у Грековъ и Римлянъ. Здѣсь очевидна смѣсь элементовъ языческихъ съ евангельскими. Есть фигуры, о которыхъ даже трудно рѣшить, христіанскія ли онѣ, или языческія. Напримѣръ, на гробницѣ представленъ юноша, одѣтый въ короткую тунику, съ обнаженными голенями, и съ ягненкомъ на плечахъ. На христіанской гробницѣ это изображеніе представляетъ, разумѣется, *Добраго Пастыря* или Іисуса Христа; но такое же самое изображеніе, встрѣчаемое иногда и на языческихъ гробницахъ, представляетъ собою Аполлона Номіоса (пастуха), или часто, Меркурія Кріофора (носителя овна). Въ Римѣ и Равеннѣ можно видѣть изображеніе Іисуса подъ видомъ Орфея; первые христіане, желая представить вліяніе христіанства смягчающаго нравы и укрощающаго страсти,

изображали Іисуса съ лицомъ Орфея, окруженнаго дикими звѣрями лижущими ему ноги, эмблема дѣйствія христіанизма на сердца. Наконецъ, въ Римѣ есть одно еще болѣе странное изображеніе Іисуса вмѣстѣ съ Меркуріемъ богомъ. Язычники имѣли обычай представлять на своихъ погребальныхъ памятникахъ души являющимися предъ Плутономъ; на возвышенномъ трибуналѣ сидѣли Плутонъ и Прозерпина, а Меркурій, исполнявшій свое ремесло проводника душъ (откуда и названіе его-Психопомпъ, съ своимъ крылатымъ петазомъ *) на головѣ и держа жезлъ (кадуцей) въ рукѣ, приводилъ предъ Плутономъ души, въ видѣ личностей драпированныхъ въ просторные саваны. Въ катакомбахъ Рима есть живопись, въ которой Плутонъ замѣненъ Іисусомъ, и Прозерпина дѣвой Маріей; но только Меркурій Психопомпъ и тамъ остался. Вотъ какимъ образомъ совершился переходъ, и какъ извѣстныя языческія изображенія стали предметами католическаго богопочитанія, почти не измѣняя физіономіи.

Мы могли бы еще поговорить о *процессіяхъ*, которыя у язычниковъ назывались *теоріями*; о хожденіяхъ на богомолье, о погребальныхъ (надгробныхъ) капеллахъ, которыя были въ большомъ обыкновеніи у язычниковъ; *о богослуженіяхъ въ концѣ года; за* долго до пришествія Іисуса Христа, родные и друзья приглашались на молитву по умершимъ, совершаемую ежегодно въ день смерти покойника.

Есть много католическихъ чудесъ, которыя повторяются періодически въ тѣхъ же странахъ, гдѣ онѣ совершались до Іисуса Христа. Таково чудо святаго Януарія происходящее въ Неаполѣ два раза ежегодно. Извѣстно, что кровь этого святаго сохраняется въ стклянкѣ въ отвердѣломъ, застывшемъ видѣ и почти чернаго цвѣту; чудо состоитъ въ томъ, что эта кровь снова плавится и становится жидкою.

---

*) Круглая шапка у древнихъ.

Этого рода чудо было нѣкогда очень распространено въ королевствѣ Неаполитанскомъ; теперь же оно совершается только въ церквахъ св. Януарія въ Неаполѣ, св. Панталеона въ Равелло и св. Матѳея въ Салернѣ. Прежде эти чудеса были гораздо многочисленнѣе; въ самомъ Неаполѣ онѣ происходили въ церквахъ св. Іоанна въ Карбонарѣ, св. Стефана, св. Вита и св. Патриція. Это — древнее чудо, надъ которымъ еще Горацій подсмѣивался въ своей первой сатирѣ, въ которой онъ расказываетъ о своемъ путешествіи въ Бриндисъ съ Виргиліемъ, Меценою и другими веселыми спутниками. Прибывъ въ Гнацію, (нынѣшняя Torre d' Egnazia, они чрезвычайно забавлялись суевѣріемъ страны: „Эти люди," говоритъ онъ, „дали намъ случай пошутить и посмѣяться: хотѣли же они убѣдить насъ, что ладонъ приносимый въ даръ на порогѣ храма становился жидкимъ безъ огня. Въ этомъ можно увѣрить, пожалуй, какого нибудь еврея, но не меня!" *). Этотъ ладонъ тающій самъ по себѣ на порогѣ храма и безъ нагрѣванія, не то ли же самое, что и чудо св. Януарія. Это — (назовемъ дѣло по имени) плутовство, которое употреблялось языческими священниками до Іисуса Христа, какъ нынѣ и въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляется католическими священниками. Это осталось въ нравахъ и обычаяхъ страны, такъ что обратившись въ христіанство, обитатели ея не могли отречься отъ своихъ мѣстныхъ суевѣрій **).

---

*) Dedit risusque jocosque,
Dum, flama sine, thura liquescere in limine sacro,
Persuadere cupit. Credat Iudaeus appella!
Non ego. (Hor., Sat, 1, 98.)

**) Слѣдующія данныя могутъ показать до чего дошли тѣ суевѣрія.

Въ различныхъ римско-католическихъ монастыряхъ, церквяхъ, капеллахъ и т. д. существуютъ: 63 пальца св Іеролама; 1600 костей св. Панкрація; 13 рукъ св Стефана; а отъ св Игнатія, епископа Антіохійскаго осталось 3 цѣлыхъ

Другое вѣрованіе, въ которомъ только названіе измѣнилось, это — вѣрованіе въ *ангеловъ-хранителей*, заботящихся о каждомъ человѣкѣ въ особенности. Въ древности ихъ называли *добрыми геніями*; языческіе города имѣли также своихъ боговъ-покровителей; теперь совершенно туже должность отправляютъ святые.

Еще одно обожаніе Римской Церкви, надъ которымъ мы долѣе остановимся, это-обожаніе *Дѣвы.* „Замѣчательно, говоритъ одинъ историкъ, что въ древности эллинической и римской, какъ въ католической Европѣ и Америкѣ, сочувствіе и почитаніе народное, какъ и величайшая торжественность обожанія, отдавались преимущественно богинямъ, обоготворенымъ женскимъ существамъ. Принимая въ расчотъ различіе вѣрованій и разстояніе времени, мы открываемъ въ обожаніи Атенеи, Деметеры, Прозерпины, Весты, Изисы и Дѣвы Маріи, аналогію формы и духа, которую нельзя не признать.“ (Maury, t. II, pag. 48.)

Весьма любопытно видѣть, при изученіи древнихъ памятниковъ, какъ дѣва Марія сделалась мало по малу предметомъ обожанія въ римской церкви. На древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда этого обожанія. Между тѣмъ образъ Маріи не замедлилъ явиться. Одинъ изъ любимѣйшихъ символовъ изображаемыхъ первыми христіанами былъ — поклоненіе Маговъ, какъ образецъ будущаго обращенія отдаленнѣйшихъ народовъ. На многихъ древнихъ памятникахъ, мозаикахъ, стѣнныхъ живописяхъ, и въ особенности на барельефахъ украшающихъ саркофаги,— представлены три восточные мага. Такъ, напримѣръ, въ Равеннѣ, въ церкви св. Аполлинарія, сохранилась большая мозаика, изображающая маговъ несущими

тѣла, 7 ногъ и 17 рукъ! Извѣстно, между тѣмъ, что этотъ святой былъ съѣденъ львами!

Примѣч. Переводчика.

дары, которые они кладутъ у ногъ дитяти Iисуса, сидящаго на колѣняхъ матери своей. Это—наидревнѣйшая сцена, въ которой представлена Марія, — и не къ ней относится обожаніе, а къ дитяти, котораго Марія держитъ на рукахъ. Этими мозаиками украшена во всю длину средняя часть церкви (la nef); съ каждой стороны находится по двадцати лицъ во весь ростъ, величиной болѣе натуральной; съ одной стороны, святые и Iисусъ сидящій на тронѣ и принимающій воздаваемыя ему почести; съ другой стороны изображены дѣвы, съ подписью имени каждой, съ пальмами въ рукахъ. Эти дѣвы, должны бы, по теперешнимъ понятіямъ, отдавать почести Маріи, какъ святые Iисусу; между тѣмъ на дѣлѣ не то: послѣ цѣлаго ряда дѣвъ, находимъ фигуры маговъ обожающихъ малое дитя на рукахъ Маріи. И такъ Марію тогда еще не ставили на одинаковой степени съ Iисусомъ: она только *носила* на рукахъ ребенка. Гораздо позже и постепенно стали отдѣлять ее отъ маговъ, но она все таки еще держала на рукахъ дитя, и уже только въ ближайшую къ намъ эпоху она является одна принимающею обожаніе (почитаніе) непосредственно. Мы указали выше другой примѣръ, гдѣ очень рано Марія представлена сидящею возлѣ Iисуса на тронѣ, производя судъ надъ душою, по аналогіи съ Прозерпиной, которую обыкновенно ставили возлѣ Плутона, ея мужа.

Мы приведемъ еще только одну черту, перешедшую изъ язычества въ христіанизмъ; но эта черта весьма важна. Въ эпоху Августа язычество подверглось преобразованію; современники перваго императора, будучи слишкомъ умны чтобы не замѣтить безсмыслія своей религіи, пытались возвысить ее нѣсколько посредствомъ *мистерій*, вообще принятыхъ древними и бывшихъ у нихъ въ большомъ ходу. Составлялись цѣлыя религіозныя тайныя общества; посвященіе, входъ въ эти общества и церемоніи, которыя тамъ торжествовались, — все это совершалось въ стро-

жайшей тайнѣ. Въ этихъ собраніяхъ представлялись извѣстныя басни изъ языческой религіи, которымъ придавали символическій смыслъ. Напримѣръ, въ Греціи знаменитыя Елевзинскія тайны состояли въ представленіяхъ, доступныхъ только посвященнымъ въ оныя. Тамъ представляли богиню Цереру бросающеюся во всѣ стороны въ поискѣ своей дочери Прозерпины, которая стала женой Плутона, и которая по рѣшенію судьбы должна была оставаться шесть мѣсяцевъ въ аду и появляться на землѣ въ продолженіи другихъ шести мѣсяцевъ. Но главный предметъ поученія въ этихъ расказахъ, или лучше играхъ басни этой, былъ-безсмертіе души. Имя Прозерпины означаетъ малое, сначала бѣлаго, а потомъ зеленаго цвѣту растеніе, которое выходитъ изъ земли послѣ прозябанія сѣмени. Этотъ первый зародышъ есть эмблема души умершаго, который оживаетъ послѣ вложенія тѣла въ землю. Эти странные обряды были, конечно, достойнѣе многихъ другихъ басень и церемоній языческихъ, потому что они служили проводникомъ и поученіемъ въ великой истинѣ.

Эти мистеріи, лучшее и чистѣйшее достояніе язычества, были заимствованы отсюда и безъ измѣненія названія католическою церковью. Въ средніе вѣка, представляли во всѣхъ церквяхъ Ветхій и Новый Завѣтъ. Еще до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя изъ этихъ религіозныхъ драмъ, съ ролями не только простыхъ смертныхъ но и сверхестественныхъ существъ, какъ-то: Бога, ангеловъ, діавола, и часто также аллегорическихъ личностей. Эти представленія исторій Ветхаго и Новаго Завѣта также, какъ и у древнихъ, назывались *Мистеріями*; онѣ служили, какъ утверждали, средствомъ народнаго преподаванія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были просто подражаніемъ, продолженіемъ языческихъ мистерій подъ другой формой. Во Флоренціи, на одномъ изъ мостовъ рѣки Арно, предтсавляли съ необыкновеннымъ торжествомъ, послѣдній судъ; толпа тѣснилась на другихъ мостахъ

и на набережныхъ; но вдругъ одинъ изъ мостовъ провалился, и множество людей погибло въ рѣкѣ. Это злополучное событіе увѣковѣчило память объ этомъ представленіи. Мистеріи останутся славными въ исторіи Флоренціи; но тоже самое происходило въ средніе вѣка и во всѣхъ городахъ христіанства. Несомнѣнно, что эта театральная форма религіознаго преподаванія была занесена изъ обычаевъ послѣднихъ вѣковъ язычества. „Внимательное историческое изслѣдованіе легко докажетъ, что большая часть всего неевангельскаго въ церквяхъ католическихъ римскаго исповѣданія, въ особенности всего касающагося внѣшнихъ обрядовъ и формъ богослуженія, — есть, нѣкоторымъ образомъ, ничто иное, какъ складъ или запасъ перенесенный мистеріями язычества при переходѣ ихъ въ станъ непріятельскій.“ (M. Guigniaut, de l'Institut, Symbolique de Creuzer, t. III, p. 1205).

Отъ мистерій въ особенности и перешла къ намъ *нетерпимость*. Напрасно утверждаютъ многіе, что нетерпимость есть изобрѣтеніе и язва христіанской религіи; вѣдь и языческія религіи даже подъ ихъ возвышеннѣйшею формою мистерій, отличались чрезвычайной нетерпимостью. Онѣ наказывали смертью нарушавшаго ихъ тайны; это самое служило имъ часто предлогомъ когда желали преслѣдовать кого нибудь. Не восходя даже ко временамъ Алкивіада и Сократа, мы находимъ въ Римской исторіи примѣры лицъ, которыхъ изъ желанія погубить обвиняли въ оскверненіи какой либо мистеріи, однимъ лишь ихъ присутствіемъ и любопытствомъ.

Мы коснемся теперь одного еще болѣе деликатнаго пункта, одной *мистеріи* католической, которая до сего дня продолжаетъ совершаться каждый день въ тысячѣ мѣстахъ; это — *жертвоприношеніе литургіи*, которое есть ничто иное, какъ одна изъ мистерій содѣлавшейся существенною и фундаментальною. „Литургія, говоритъ Г. Мори, есть символическое представленіе страсти Спасителя, совокупленіе извѣстныхъ

обрядовъ, сообщающихъ, подобно древнимъ мистеріямъ, особую благодать присутствующимъ." (Rel. de la Gr., t. II p. 302). Древніе вѣровали, что присутствіе у мистерій сообщало человѣку особое благочестіе, точно также какъ и теперь присутствуя у обѣдни, христіанинъ вѣруетъ, что проникается извѣстною благодатью нераздѣльно соприсутствующею въ этомъ высочайше святомъ актѣ, въ которомъ человѣкъ *участвуетъ духовно*. Литургія есть и *болѣе* этого, какъ будемъ вскорости имѣть случай показать; мы вовсе не утверждаемъ, что она *только* это и есть, но что она въ особенности имѣетъ *это* значеніе.

Во время святой Недѣли, и въ особенности въ св. Пятницу и въ день Пасхи, празднуется еще служеніе, состоящее въ пѣніи разными личностями, и въ которомъ представляются всѣ сцены суда и страстей Спасителя. — однѣ поютъ слова: „Распни его, распни его!" Другія отвѣчаютъ: „Я не нахожу въ немъ вины." Когда наконецъ настаетъ мракъ, церкви, запертыя отъ дневнаго свѣта, освѣщаются одними восковыми свѣчами, въ воспоминаніе мрака распространившагося по всей Іудеи во время смерти Спасителя. За тѣмъ слѣдуетъ погребальная процессія; Христа несутъ ко гробу, т. е. берутъ опрѣснокъ съ главнаго престола и спускаются съ нимъ въ подземную капеллу. Наконецъ, въ Воскресенье, настаетъ великая радость, это — исхожденіе Христа изъ гроба; всѣ отправляются съ большимъ торжествомъ за опрѣснокомъ, и приносятъ его снова на олтарь, блестяще освѣщенный. Это — церемоніи совершенно схожія съ мистеріями язычниковъ.

Но и болѣе того: литургія есть не только представленіе смерти Спасителя; но, по ученію римской Церкви, она есть дѣйствительное возобновленіе жертвы Іисуса Христа.

Здѣсь долженъ я указать, между существенными свойствами римскаго населенія, имѣвшаго столь огромное вліяніе на католицизмъ, — на третью черту, о ко-

торой одинаково необходимо упомянуть, какъ и *о духѣ господства* и о *традиціонализмѣ*; это — *литерализмъ* (буквальность.) Римляне всегда славились своими законами; они имѣли очень точные своды, большое искуство выражать точно и положительнымъ, рѣшительнымъ, абсолютнымъ образомъ, то, что хотѣли сказать, ни болѣе ни менѣе. Это было одно изъ тѣхъ качествъ, которое оказало имъ большія услуги въ законодательствѣ; но, къ несчастію, эту же наклонность внесли они въ религію, принявши въ ней все по буквѣ, и такимъ то образомъ римскій умъ матеріализовалъ почти все въ христіанизмѣ.

Такъ въ литургіи, совершается, по оффиціальному объясненію римской Церкви, послѣдовательно двѣ сверхестественныя вещи: священникъ освящаетъ опрѣснокъ, и въ моментъ, когда онъ произноситъ извѣстныя слова, этотъ опрѣснокъ претворяется въ истинное тѣло Христа съ его кровью, его душою и божествомъ, какъ то́ всенародно рѣшилъ Тридентскій Соборъ. А между тѣмъ, такъ какъ для католиковъ Христосъ есть Богъ, то и не безъ основанія сказалъ нѣкто, „что Священникъ есть тварь, сотворяющая своего Творца (creatura creatorem creat).“ Онъ не только что изъ опрѣснока дѣлаетъ Бога, но за тѣмъ еще приноситъ Бога въ жертву, вкушая его (manducando sacrificat); по оффиціальному ученію, это есть не только *представленіе* чудеснаго акта, но и *дѣйствительное жертвоприношеніе*; Іисусъ Христосъ снова страдаетъ и умираетъ; онъ снова умерщвляется священникомъ, вкушающимъ его. Вотъ относительно этого акта подлинныя слова послѣдняго вселенскаго Собора, высочайшаго изъ всѣхъ авторитета: „Этотъ самый Іисусъ Христосъ, который предалъ самъ себя однажды на крестѣ, съ пролитіемъ своей крови, содержится (находится, присутствуетъ — est contenu) и умерщвляется (закалается) безъ пролитія крови въ этомъ божественномъ жертвоприношеніи совершающемся у литургіи. — Это-тотъ самый,

который предался однажды на крестѣ, предается посредствомъ священника, съ одной только разницей образа преданія (приношенія)“ (C. de Trente, Sess XXII, ch. II. Сравни, Epître aux Hébreux, IX, 25.) И все это чудесное зданіе основывается на одномъ словѣ, сказанномъ Іисусомъ на Тайной Вечери: „Это есть тѣло мое.“

По этому ученію необходимо должно вѣрить, что Іисусъ, когда произносилъ тѣ слова, имѣлъ, такъ сказать, два тѣла, изъ которыхъ одно приносило въ жертву другое; тѣмъ не менѣе, съ рѣшительнымъ преднамѣреніемъ не отступать ни передъ какой нелѣпостью, люди придерживаются буквѣ во всемъ. „Апостолы еще не получили Евхаристіи изъ рукъ Господа нашего, когда онъ истинно увѣрялъ, что предлагалъ имъ тѣло свое.“ (C. de Trente, Sess. XIII, ch. III.)

Что до *таинствъ* вообще, то римско-католическая Церковь слѣдовала той же системѣ. Она и далѣе пошла, положивъ правиломъ, что таинство имѣетъ силу въ самомъ себѣ отъ совершившагося *акта*; и слѣдовательно, не необходимо, чтобы совершающій таинство вѣровалъ въ него, и съ вѣрой и убѣжденіемъ совершалъ его. Кардиналъ Гуссе (Gousset), архіепископъ Реймскій, утверждалъ, что: „Вѣра не необходима для дѣйствительности получаемаго таинства, и т. д.“ (Théologie morale, numéro 46). „Таинства, говоритъ одинъ современный теологъ, даруютъ благодать сами по себѣ, въ силу ихъ собственной дѣйствительности.“ (Moehler, t. III, p. 273). Такъ, напримѣръ, былъ предложенъ слѣдующій невѣроятный вопросъ: „Предположите, что какой нибудь нечестивецъ окрещаетъ дитя шутя, насмѣшки ради; можно ли считать дитя окрещеннымъ?“ И что жь? Римская Церковь, вѣрная своему постоянному правилу принимать все буквально, отвѣчала: „Если дитя окрещено даже и въ шутку, даже и съ богохульнымъ и нечестивымъ намѣреніемъ, лишь бы только была про-

лита на немъ вода съ произнесеніемъ таинственныхъ словъ: *во имя Отца и Сына и Св. Духа,* дитя окрещено, *дѣло совершилось.*" Католическая церковь выражаетъ это двумя латинскими словами: „*Opus operatum est,*" *т. е.* когда дѣло совершилось, ничто не можетъ передѣлать его. Такимъ образомъ въ Римѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дитя (молодой Мортара) принадлежавшее къ еврейскому семейству, было украдкой окрещено служанкой, и за тѣмъ похищено у родителей. Папа, къ которому обратились со всѣхъ сторонъ съ живѣйшими требованіями, отвѣчалъ и долженъ былъ отвѣчать, что не можетъ возвратить христіанское дитя родителямъ-евреямъ, и уничтожить на дѣлѣ силу таинства. Что и говорить о горести родителей, дитя стало христіаниномъ: „*Opus operatum est.*"

Въ римской Церкви, кромѣ двухъ таинствъ, установленныхъ Іисусомъ, есть еще пять другихъ, всего, слѣдовательно, семь, и во всѣхъ дана крайняя важность, значеніе—*факту.* Это суть: крещеніе, покаяніе, мѵропомазаніе (конфирмація) евхаристія, елеосвященіе (соборованіе масломъ), священство и бракъ.

Не входя въ подробности, мы остановимся только на причащеніи. Чтобы насъ не обвинили въ преувеличеніи того, что намѣрены сказать, мы позаимствуемъ у наиболѣе компетентнаго авторитета въ католицизмѣ, упомянувъ при этомъ то, что объявляетъ соборъ Тридентскій, и именно, что между этимъ жертвоприношеніемъ и Іисусовымъ. нѣтъ „другой разницы кромѣ образа приношенія."

И такъ, когда говорится что обѣдня есть дѣйствительное возобновленіе смерти І. Христа, то въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, потому что Тридентскій соборъ утверждаетъ, что нѣтъ разницы между обоими приношеніями какъ только въ образѣ приношенія, но что жертва остается одною и тою же.

Что же касается *дѣйствительнаго присутствія,* вотъ чему формально поучаетъ Тридентскій соборъ:

„Если кто отрицаетъ, что тѣло и кровь Господа нашего І. Христа съ его душою и божествомъ, и слѣдовательно весь въ цѣлости І. Христосъ, дѣйствительно, истинно и существенно содержится въ этомъ таинствѣ евхаристіи; но говоритъ, что онъ въ немъ находится только какъ въ знакѣ или же въ образѣ, да будетъ анаѳема на немъ.“ Cons. de Trente, Sess., XIII. ch. 1.) „Послѣ освященія, истинное тѣло нашего Господа и его истинная кровь совокупно съ его душою и его божествомъ, суть подъ видами хлѣба и вина, *т. е.* его тѣло подъ видомъ хлѣба и его кровь подъ видомъ вина, въ силу самыхъ словъ; но и его тѣло также подъ видомъ вина, и его кровь подъ видомъ хлѣба, и его душа подъ однимъ и другимъ, и его божество такимъ же образомъ, по причинѣ его единенія съ тѣломъ и душою Господа нашего. И потому истинно, что одинъ и другой видъ содержитъ столько сколько оба вмѣстѣ; ибо І. Христосъ есть всецѣло подъ видомъ хлѣба и подъ малѣйшей частицей, и подъ видомъ вина и во всѣхъ его частахъ“ (ib. c. III.)

Въ слѣдствіе этого, если католикъ, причастившись, думаетъ, вѣритъ, что вкусилъ І. Христа только *символическимъ, духовнымъ* образомъ, онъ проклятъ, онъ осужденъ, онъ не католикъ. „Если кто говоритъ, что І. Христосъ, предложенный въ евхаристіи, вкушается только духовно, а не таинственно и дѣйствительно, тотъ да будетъ анаѳема.“ (C. de Trente. Sess. XIII, c.-VIII).

III **Варварскіе элементы.** Намъ остается поговорить о измѣненіяхъ внесенныхъ въ Церкви, въ средніе вѣка, когда сѣверные народы овладѣли большею частью римскаго міра. Эти народы были въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Они не имѣли, какъ Евреи, Греки и Римляне, литературы и исторіи. Когда войной вторгались они въ христіанскія страны, религія христіанская была для нихъ совершенною новостью; мало по малу они принимали ее, поучались

въ ней; но ихъ природная жестокость, ихъ суровость, недостатокъ всякого образованія, — имѣли слѣдствіемъ увеличеніе и быстрое развитіе принципа авторитета въ церкви католической. Прежде всего латинскій языкъ оказался единственнымъ образовавшимся языкомъ, на которомъ говорили на всемъ западѣ, тогда какъ варварскіе языки еще не имѣли правописанія, не установились и были мало извѣстны другимъ народамъ. Варвары тѣ направлялись массами съ сѣвера къ югу, и переходя разныя страны, не имѣли времени образовать свой собственный языкъ. Изъ этого вышло, что *Латинскій* языкъ, будучи единственнымъ учёнымъ языкомъ того времени, одинъ только и былъ принятъ католическою Церковью, и это было благодѣяніемъ для того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ латинскій языкъ оказалъ большія услуги; но мало по малу, когда образовались и другіе языки, онъ выходилъ изъ употребленія; услуга же, оказанная принятіемъ его католическою Церковью, потеряла уже всякое значеніе, Церковь продолжала говорить на языкѣ, котораго болѣе не понимали. Теперь еще случается слышать при похоронныхъ служеніяхъ прекрасные псалмы, которые могли бы служитъ предметомъ утѣшенія и источникомъ возвышенныхъ духовныхъ наслажденій; но присутствующіе ихъ не понимаютъ, потому что ихъ читаютъ по латыни, и такъ невнятно и такъ скоро, что едва можно разслышать. Главное не въ томъ, чтобы ихъ поняли или слышали, а лишь бы они были прочитаны: нужно, чтобы дѣло совершилось и обрядъ исполненъ, а воспользуются ли присутствующіе, о томъ и не заботятся.

Духовенство оказало огромныя услуги среднимъ вѣкамъ. Слово clerc (клеркъ), означающее теперь *священникъ*, служило тогда просто для названія человѣка грамотнаго, ученаго, человѣка знавшаго что нибуть. Въ ту эпоху невѣжества священники одни умѣли читать, и духовенство, повторяемъ, оказывало

всякого рода услуги гражданскому обществу; но это не обошлось даромъ: мало по малу священники присвоили себѣ огромную власть многими и различными средствами.

Многіе не понимаютъ, почему только священникъ *одинъ* причащается подъ двумя видами. Это даже кажется маловажнымъ. Нельзя объяснить себѣ съ перваго взгляда, почему Гусситы, прежде протестантовъ, настойчиво требовали возвращенія чаши вѣрующимъ, — и почему это одно требованіе возбудило ужасныя гражданскія войны; почему *Каликстины* (Calixtins), т. е. тѣ которые требовали чаши (calice) для народа, подверглись жестокимъ гоненіямъ. Казалось-бы, что предлогъ былъ слишкомъ маловаженъ, тѣмъ болѣе, что при томъ же, по ученію самой Церкви, тѣло, кровь, душа и божество Іисуса Христа находятся въ хлѣбѣ равно какъ и въ винѣ. Но римская церковь хотѣла, чтобы священники на столько во всёмъ превосходили міряпъ, что и въ самомъ причастіи было бы видно это превосходство, и не только въ исключительномъ правѣ совершать, но и принимать это таинство особеннымъ, привилегированнымъ образомъ. Католикъ-міряпинъ не долженъ причащаться подобно священнику: этотъ имѣетъ исключительное преимущество принимать своего Бога *два раза*, вкушая хлѣбъ и испивая вино; всѣ же прочіе только *одинъ разъ*.

Пріобрѣтенная духовенствомъ власть выразилась особенно въ другомъ дѣйствіи, въ *продажѣ индульгенцій*.

Индулгенціею называется отпущеніе части наказаній, возлагаемыхъ католическою церковью въ этомъ мірѣ на тѣхъ, которые покаялись, и также части наказаній, возлагаемыхъ Богомъ въ чистилищѣ на грѣшниковъ, — словомъ, это есть прощеніе и отпущеніе даруемыя духовенствомъ. Отсюда-то исходитъ его огромное могущество, такъ какъ оно можетъ дѣлать добро живымъ, и облегчить или освободить отъ зла тѣхъ, которые уже не отъ міра сего.

На вопросъ плачущихъ сына или дочери, что имъ дѣлать для упокоенія душъ ихъ отца или матери, — священники отвѣчаютъ: „Вы можете просить отслужить обѣдни, купить индульгенціи, — и мученія, претерпѣваемыя вашими родителями въ чистилищѣ, уменьшатся.“ — Трудно представить себѣ, какое огромное вліяніе даетъ это ученіе духовенству. Когда среди плачущаго семейства, матери, потерявшей свое дитя, священникъ можетъ сказать: „я имѣю средство освободить его отъ страданій въ чистищилѣ, — это средство — индульгенціи,“ — мать не расчитываетъ и даетъ все, чего у ней ни потребуютъ.

Фактъ индульгенцій чрезвычайно увеличилъ власть римскаго духовенства. Тоже самое произвела и *исповѣдь*. Вы желаете причаститься, но должны прежде исповѣдаться; намѣрены ли жениться, — безъ исповѣди васъ не женятъ. И что значитъ исповѣдаться? Сказать священнику всё что лежитъ на душѣ, всю свою жизнь, всѣ сомнѣнія и заботы какія только можно имѣть! Правда, священникъ далъ клятву сохранять втайнѣ исповѣдь, и, разумѣется, нельзя сомнѣваться, что большая часть священниковъ соблюдаетъ её. Но если человѣкъ и не будетъ выданъ, то все-таки, высказавши всѣ свои печали, всѣ свои мысли, онъ даетъ священнику огромную, чрезмѣрную власть надъ собою. Исповѣдь въ римскомъ католицизмѣ не есть, какъ въ протестантизмѣ, просто актъ свободнаго и вольнаго довѣрія души къ ея пастырю, которому она, однакожь, говоритъ только то, что желаетъ. Нѣтъ, — здѣсь должно говорить *все* исповѣднику: онъ имѣетъ право и обязанность спросить, не скрываютъ ли отъ него чего нибудь, и уже послѣ этого онъ имѣетъ власть дать или не дать разрѣшенія.

Этимъ-то *священникъ и держитъ въ своихъ рукахъ мірянина;* но и онъ въ свою очередь — не свободнѣе мірянина: *епископъ держитъ священника* въ своей власти. Вотъ какимъ образомъ все болѣе и болѣе установливался огромный авторитетъ епископа надъ

священникомъ; а это было слѣдствіемъ *безбрачія* католическаго духовенства.

Когда человѣкъ входитъ въ новое семейство посредствомъ женитьбы, то для него составляются два семейства; и если у него родится только одно дитя, тогда онъ уже примыкаетъ къ обществу тремя различными узами: посредствомъ своихъ родителей, родителей своей жены, и по своему дитяти, котораго будущность отъ него зависитъ. Такимъ образомъ женатый человѣкъ, коего дѣти могутъ вступить на разныя поприща, привязанъ къ обществу всевозможными узами. Священника же хотѣли именно освободить отъ этихъ узъ общества, хотѣли, чтобы онъ былъ *болье*, нежели человѣкъ. Оттого даже и обрядъ посвященія священника совершается съ особенной обстановкой: въ извѣстный моментъ церемоніи, предъ нимъ начертываютъ мѣломъ линію и говорятъ ему въ послѣдній разъ: „Вы свободны, пока не перешагнете этой линіи;“ и если онъ ее переступилъ, то становится священникомъ. Тотчасъ за этимъ, онъ падаетъ ницъ, лицомъ къ землѣ; его накрываютъ гробовымъ покровомъ и надъ нимъ читаютъ часть молитвъ по усопшимъ. Съ этой минуты онъ умеръ для семейства, умеръ для общества; но умеръ онъ какъ *человькъ* и возстаетъ *священникомъ:* онъ уже болѣе нежели человѣкъ, онъ принадлежитъ къ духовенству, и съ этого момента Іерархія пріобрѣтаетъ надъ нимъ полную власть.

Ничего подобнаго этому въ св. Писаніи нѣтъ, и довольно странно, что единственный апостолъ, о женѣ котораго упоминается въ Евангеліи, есть именно *Петръ*, котораго уже позднѣе сдѣлали, или лучше, признали папой. О женѣ его говорится не только въ началѣ его поприща, когда Іисусъ исцѣляетъ его тещу, но также и позднѣе, когда Павелъ говоритъ о себѣ, что имѣлъ бы право жениться и взять жену съ собой въ путешествіе, подобно Петру: „Ужели не имѣемъ права водить съ собою жены изъ сестеръ,

какъ прочіе Апостолы, и братія Господня, и Кифа" (I Кор. IX, 5).

Безбрачіе священниковъ было установлено позже, дабы они болѣе не принадлежали къ *обществу*, а къ *Іерархіи*.

Надъ авторитетомъ епископа возвышается авторитетъ *папы*. Въ началѣ этотъ авторитетъ былъ маловаженъ; даже и существованіе первыхъ папъ подлежитъ сомнѣнію; во всякомъ случаѣ главы первобытной Церкви въ Римѣ не были *папами*, это были *священники*, *епископы*, не имѣвшіе сначала никакой свѣтской власти. Только впослѣдствіи, когда съ постепеннымъ введеніемъ монархическаго духа въ церквахъ, каждый частный священникъ сталъ пріобрѣтать власть въ своей Церкви, — римскій священникъ, пользуясь огромной славой вѣчнаго города, домогался сдѣлаться могущественнѣе прочихъ въ сосѣднихъ церквахъ. А еще позже, когда императоры жили въ Константинополѣ и Равеннѣ, папа, за отсутствіемъ свѣтской власти въ Римѣ, дѣйствительно успѣлъ еще болѣе увеличить свое могущество.

Нужно замѣтить, что папы не съ самаго начала стали носить титулъ *верховныхъ понтифовъ*. Константинъ, первый христіанскій Императоръ, остался верховнымъ понтифомъ, когда принялъ христіанскую вѣру, какъ тому служатъ доказательствомъ его медали: этого титула онъ вовсе не уступилъ римскому епископу, а удержалъ для себя. Позже, и со временемъ, римскіе епископы, содѣлавшись свѣтскими главами города, въ свою очередь присвоили себѣ титулъ верховныхъ понтифовъ, а могущество ихъ постепенно усиливалось до того, что нынѣ царствующій папа Пій IX, (всѣхъ было около 300 папъ) пріобрѣлъ изъ всѣхъ наибольшую власть духовную: не смотря на иностранную одежду солдатъ стерегущихъ его, этотъ папа могущественнѣе въ духовномъ отношеніи, нежели какой либо изъ прежнихъ. Онъ осмѣлился сдѣлать то, на что не покусился ни одинъ изъ его предшест-

венниковъ: безъ собора, однимъ своимъ авторитетомъ, онъ провозгласилъ новый догматъ — Immaculée Concéption, безпорочное зачатіе.

Замѣчено было, впрочемъ, что каждый разъ, когда папа бывалъ слабъ въ *свѣтской* власти, то совершалъ важные акты *духовнаго* авторитета. Когда Григорій VII былъ изгнанъ изъ Рима, тогда именно онъ и принудилъ Нѣмецкаго Императора Генриха принести покаяніе во дворѣ замка Каноссы, самымъ унизительнымъ образомъ, продержавъ его во всю ночь, въ сильную стужу, едва одѣтаго, у запертыхъ дверей.

Мы остановимся еще на одномъ пунктѣ, состоящимъ въ тѣсной связи и зависимости отъ вышесказаннаго. А именно: нельзя быть членомъ *римской* Церкви, нельзя надѣяться даже быть спасеннымъ, не подчинившись этому поглащающему авторитету папскому. Кто возстаетъ противъ него, тотъ *не-католикъ*, и, слѣдовательно, *осужденъ на вѣки.* Это было сказано и объявлено большимъ числомъ папъ, а также Піемъ IX. человѣкомъ, однакожь, не жестокимъ, но вынужденнымъ поддерживать то, что̀ было предписано его предшественниками. Конечно, это ученіе, слишкомъ жестокое само по себѣ, смягчается неопредѣленной надеждой, что въ послѣднія минуты земной жизни душа, просвѣтляясь свыше, умираетъ католическою, — и предположеніемъ, что Богъ тогда ее прощаетъ.

Это смягченіе было слѣдствіемъ кротости нынѣшнихъ нравовъ; при всемъ томъ для римской Церкви логиченъ только тотъ принципъ, по которому человѣкъ непризнающій ея авторитета осуждается на вѣки.

Вотъ въ какихъ словахъ послѣдніе два папы Григорій XVI и Пій IX провозгласили этотъ принципъ: *Внѣ Церкви (римской) нѣтъ спасенія.*

Григорій XVI всенародно провозгласилъ 27 Мая 1832 г. въ своемъ знаменитомъ *окружномъ посланіи:* „Не насладится вѣчной жизнью тотъ, кто внѣ лона римско-католической Церкви, какъ бы похвально ни

было его повеленіе. Всѣ отдѣленные отъ этой Церкви не могутъ быть спасены. — Одна только существуетъ вселенная Церковь, и внѣ ея-никому нѣтъ спасенія."

Въ свою очередь Пія IX объявилъ 9 Декабря 1854 г., что: „Внѣ апостольской Церкви никто не можетъ быть спасенъ, и кто не внидетъ въ нее, тотъ погибнетъ."

Католицизмъ, какъ мы его объяснили, представляетъ образцовое произведеніе логики и сцѣпленія. Никогда человѣческій умъ не создавалъ и не приводилъ въ дѣйствіе системы авторитета, столь тѣсно связанной во всѣхъ ея частяхъ.

Да и нѣтъ возможности отрицать, что въ абсолютизмѣ нельзя останавливаться: встрѣчается-ли на пути какая нибудь нелѣпость, варварскій догматъ, все это не препятствуетъ идти далѣе, и дойти неизбѣжно до полнаго противорѣчія съ человѣческою совѣстью и разсудкомъ. Но чтожь? авторитетъ и все авторитетъ, вотъ основа римско-католической Церкви!

Отсюда и выходитъ, что римская Церковь не можетъ отречься ни отъ одного изъ принятыхъ ею языческихъ элементовъ: она никогда не можетъ сказать, что ошиблась. Она обречена на всегда сохранять весь свой запасъ еврейскихъ, языческихъ и варварскихъ матеріаловъ. И католицизмъ нашего времени не только не отбрасываетъ этихъ чуждыхъ началъ, но даже пытается умножить ихъ. Такъ, нынѣшній папа хочетъ обязать французскихъ католиковъ оставить французскую литургію и замѣнить ее римскою, въ которой еще болѣе нелѣпостей, невѣроятныхъ легендъ и суевѣрій. И эта литургія должна быть принята: напрасно Ліонское духовенство отправляетъ посольства къ папѣ, — это должно исполниться, и исполнится, потому что при абсолютной системѣ нельзя выбирать или разбирать, нельзя сказать, что такая-то вещь вѣрна, другая ложна, — а должно всё всегда признавать и сохранять. Такова-то строгая послѣдовательность абсолютной религіи. —

Что же касается насъ, Протестантовъ, то наша религія совершенно иная: она не абсолютная: для насъ *абсолютное на небѣ: это* — Богъ. Когда же протестантская религія открываетъ въ средѣ своей заблужденія, злоупотребленія, она *можетъ* ихъ устранять. Католическая Церковь имѣетъ огромную силу *поглощенія,* которая и составила ея могущество; но она уже не можетъ отречься отъ однажды ею принятаго: она должна пребывать навсегда тою же самою.

Принципъ протестантизма есть, напротивъ, *усовершаемость;* его основаніемъ служитъ *Евангеліе,* а формой — *свобода совѣсти.* При такихъ данныхъ, т, е. принявъ Евангеліе вмѣстѣ съ свободой совѣсти, человѣкъ можетъ всегда разсуждать и устранять все то, что несообразно съ Евангеліемъ Протестантская Церковь есть нетолько Церковь, которая однажды была реформирована, но такая, которая безконечно сама преобразовывается. Реформація есть не только событіе совершившееся тому три столѣтія назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ безпрерывно продолжающійся. Для того чтобы жить, Церковь наша должна безпрерывно сама реформироваться, принимать то, что находитъ хорошимъ, отбрасывать дурное, и благодарить всякого, кто убѣдитъ ее въ какомъ либо заблужденіи или злоупотребленіи. — Принципъ реформы остается постояннымъ, перманентнымъ, — это фактъ безпрерывно воспроизводящійся. Римскій Католицизмъ имѣетъ полное право называть себя *царемъ прошедшаго:* его исторія имѣетъ прекрасныя страницы, онъ оказалъ великія услуги во времена невѣжества и варварства; но онъ не есть и не можетъ быть *царемъ настоящаго и будущаго.* Его три короны склоняются и упадутъ всѣ разомъ, и вскорѣ ему не останется ни одной; тогда какъ протестантизмъ имѣетъ для себя будущность: «онъ естъ религія временъ настоящихъ,» (какъ сказалъ Самуилъ Венсанъ-Vincent), во первыхъ потому, что основаніемъ ему служитъ Евангеліе, а Евангеліе непоколебимо; за тѣмъ потому,

что ему навсегда открыты всѣ степени развитія, всѣ истинные успѣхи.

Возблагодаримъ Бога, призвавшаго насъ исповѣдывать религію свободы и усовершаемости, которая, подъ разнообразными формами, будетъ религіею будущихъ вѣковъ. —

II.

РЕФОРМАЦІЯ ИЛИ ПРОТЕСТАНТИЗМЪ.

Мы видѣли прогрессивное развитіе той формы христіанской религіи, которая есть существенно форма *авторитета* — римскій Католицизмъ. Передъ нами развернулся длинный рядъ историческихъ событій, достигшій, наконецъ, своей высочайшей точки въ нашу эпоху, когда нынѣшній папа въ силу одпаго лишь своего авторитета, провозгласилъ новый догматъ. Теперь намъ остается разсмотрѣть другой рядъ фактовъ, существенно противоположныхъ, составляющихъ *реформированный христіанизмъ* и его исторію.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о значеніи термина *реформа.* Это слово свойственно не одной только религіи христіанской и протестантской. При изученіи исторіи главнѣйшихъ религій, въ различныя эпохи, встрѣчаются разныя реформы; напримѣръ въ Индіи, религія Будды (или Сакіамуни — Çakyamouni) есть ничто иное какъ реформа предшествовавшей ей

религіи Брамы, и т. д. Реформа состоитъ въ слѣдующемъ: когда какая либо религія подверглась постепенному измѣненію, но такъ, что приэтомъ, ея основной, существенный принципъ, составляющій причину ея бытія — raison d'être —, сохранилъ свою жизнь и силу; то этотъ принципъ, противодѣйствуя вліяніямъ извнѣ, наружнымъ прибавленіямъ, словомъ, всему что не есть *онъ самъ*, — въ конецъ освобождается отъ нихъ и утверждаетъ самъ себя въ положеніи, въ видѣ реформы. Это—возвратъ религіи къ тому, чѣмъ она была въ началѣ, — отрицаніе того, что было къ ней прибавлено, болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе дѣйствительное, можетъ даже, воображаемое, но искреннее очищеніе религіи, для приведенія ея вновь къ тому, чѣмъ она была *первоначально.*

Дѣйствительно такова и была протестантская реформа въ XVI вѣкѣ. Многіе, однакожь, противопоставляютъ ей одно сильное возраженіе, говоря намъ, протестантамъ: «Вы существуете только съ 16го вѣка, вы еще очень молоды, а Церковь имѣла еще до васъ и безъ васъ много столѣтій существованія и славы.» Въ защитительныхъ сочиненіяхъ этого рода, украшаемыхъ названіемъ *Церковной исторіи*, обыкновенно представляютъ вѣка предшествовавшіе 16 му, совершенно и существенно католическими, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ важныхъ, или по крайней мѣрѣ, изолированныхъ ересей. Это сильное заблужденіе: принципъ реформы восходитъ къ началу христіанизма, къ самому Новому Завѣту, гдѣ мы уже видимъ Св. Павла реформаторомъ, борющемся противъ Св. Петра и противъ моисеевыхъ элементовъ, которые вопреки ему вносились въ первобытную Церковь. Мало того, если возвратимся къ Спасителю, самому основателю Христіанской религіи, то увидимъ, что онъ щедро посѣялъ въ мірѣ не только свою религію *саму по себѣ*, но и непреходящіе элементы *реформы* для будущаго. Всѣмъ намъ извѣстно, что Іисусъ проповѣды-

валъ религію совѣсти, и мы знаемъ знаменательное слово, повторяемое Имъ, подобно отголоску, въ концѣ всѣхъ своихъ рѣчей: „Имѣющій уши слышать да слышитъ,“ слово, бывшее зовомъ къ личному, индивидуальному чувству, смыслу, разуму, и въ особенности къ совѣсти всѣхъ тѣхъ, къ кому онъ относился. Можно сказать, что всѣ проповѣди Іисуса, и въ особенности Его слово на горѣ, суть ничто иное, какъ высокое возваніе ко всѣмъ внутреннимъ потребностямъ душъ вообще и каждой души въ особенности. Іисусъ гласно изъявлялъ свою ненависть къ мертвящей буквѣ словами: „Духъ животворитъ; плоть не пользуетъ ни мало. Слова, которыя говорю я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоаннъ VI, 63). Іисусъ также постоянно возставалъ противъ *формы* въ ея крайностяхъ и стѣсненіяхъ; онъ говорилъ Самаритянкѣ: „Женщина, повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ вы будете покланяться Отцу . . . . ., настанетъ время, и (оно) настало уже, что истинные поклонники будутъ поклонятся Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть духъ . . . .“ (Іоанн. IV, 21, 23, 24). Іисусъ равно внушалъ отвращеніе къ *нетерпимости*. Когда Его ученики просили поразить небольшое селеніе, гдѣ ихъ не хотѣли принять, онъ имъ съ упрекомъ сказалъ: „Не знаете какого вы духа, ибо сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать.“ (Луки IX, 56). Въ другой разъ, возмущенные апостолы пришли сказать Іисусу, что какой-то человѣкъ, отказавшійся имъ послѣдовать, поучалъ народъ, изгонялъ бѣсовъ и дѣлалъ чудеса во имя Его. Онъ же имъ отвѣчалъ: „Не запрещайте ему . . . . ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ.“ (Мар. IX, 39, 40). Наконецъ, Іисусу пришлось назидать и жить въ открытой борьбѣ съ злоупотребленіями того *традиціональнаго* принципа, принципа преданій и авторитета, коего духъ столь могуществень въ Римѣ, и такъ прямо противоположенъ той индивидуальной жизни, которую

Іисусъ хотѣлъ положить въ источникѣ совѣсти и сердца. Однажды Фарисеи спрашивали Его: „Зачѣмъ ученики твои преступаютъ преданіе старцевъ? Ибо не умываютъ рукъ своихъ, когда ѣдятъ хлѣбъ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: зачѣмъ и вы преступаете заповѣдь Божію ради преданія вашего?“ (Матѳ. XV, 2, 3). — Немного далѣе, развивая это слово, уже очень рѣшительное, Іисусъ прибавляетъ: „Вы устранили заповѣдь Божію преданіемъ вашимъ.“ — Весь принципъ реформы: протестовать противъ оффиціальнаго преданія каждый разъ, когда оно уничтожаетъ, преступаетъ заповѣдь Божію, — безпрестанно приводить души отъ заповѣдей человѣческихъ, какъ ихъ называетъ Св. Павелъ, къ заповѣдямъ Божіимъ. Вотъ нашъ настоящій принципъ! И такъ, Христіанизмъ уже былъ реформой съ первыхъ же дней его появленія.

Въ религіи Іисуса были кромѣ того плодовитые зародыши будущаго, производительные принципы, которые едва-ли могли быть вполнѣ оцѣнены его первыми послѣдователями, — въ ней были слова, назначеніемъ которыхъ было возбудить вѣчныя стремленія къ лучшему. Однимъ только словомъ: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ на небеси совершенъ есть,“ Іисусъ уже открылъ путь ко всевозможнымъ реформамъ морали и религіи.

Послѣ Іисуса, намъ ужь не для чего обращаться къ тому, чѣмъ наполнены книги Дѣяній Апостольскихъ и Посланія, т. е. ко вторженію въ Церковь тенденцій моисеевыхъ или матеріальныхъ и легальныхъ; не станемъ повторять и о противодѣйствіи имъ духа и ученія Спасителя.

Когда Іисуса и Апостоловъ Его уже не стало, когда Церковь развилась, все болѣе и болѣе удаляясь отъ простоты ихъ ученій — не должно думать, что еще тогда не было частныхъ и постоянныхъ протестацій. Въ каждомъ курсѣ Исторіи Церкви найдете попытки реформъ.

Припомнимъ наиболѣе выдающіеся факты.

Въ *5мъ вѣкѣ*, *Вижилансъ* (Vigilance) священникъ въ Барцелонѣ, родомъ изъ окрестностей Тулузы, попытался на одну реформу; онъ хотѣлъ возвратиться къ Евангелію и освободить религію отъ набавленныхъ церемоній, которыми она была обременена.

Въ обширной странѣ, обнимающей въ большей своей части югъ Франціи, сѣверъ Италіи и даже нѣкоторыя провинціи Испаніи, проявлялись частыя попытки реформъ, и можено сказать, что Католицизмъ никогда не могъ искоренить тамъ ереси.

Въ *7мъ вѣкѣ*, Серенiусъ (Sérénius), епископъ Марсельскій, велѣлъ вынести образа изъ Церквей и силился ввести древнюю простоту Христіанскую.

Въ *9мъ вѣкѣ*, при Карлѣ Великомъ реформы пріобрѣтаютъ еще болѣе силы. Мы видимъ, что въ эту эпоху три епископа: *Клавдій* (Claude) Туринскій, *Феликсъ* Уржельскій (d'Urgèle), *Элипандъ* Толедскій, стараются очистить христіанскую религію отъ нѣкоторыхъ чуждыхъ прибавленій.

За тѣмъ мракъ сгущается: насталъ длинный промежутокъ покоя и сна; но въ *12мъ вѣкѣ* послѣдовало значительное пробужденіе. *Петръ де Брюисъ* (Pierre de Bruys), *Генрихъ* и, въ особенности, *Петръ Вальдо*, всѣ три во Франціи, а *Арнольдъ де Бресчіа* въ Италіи, имѣли многочисленныхъ послѣдователей. Ихъ проповѣди, ихъ усилія не остались, подобно стараніямъ ихъ предшественниковъ, безъ послѣдствій: они образовали значительныя и сильныя секты. *Альбигійцы* (Albigeois) и *Водуазы* (Vaudois) удерживались долгое время; противъ нихъ-то римская Церковь изобрѣла и примѣнила свои страшнѣйшія оружія: братства Кающихся (les confréries de Pénitents), Крестовые походы внутри христіанства, наконецъ — Инквизицію. Однако ничто не помогло, и Водуазы, не смотря на безполезныя жестокости возобновленныя на нихъ Людовикомъ XIV, существуютъ еще и по сихъ

поръ въ Пьемонтѣ, и оттуда распространяются нынѣ по Италіи.

Событія чередовались. Въ *14мъ вѣкѣ*, въ Англіи *Виклефъ* и *Лолларды* (les Lollards) дѣйствовали на умы съ такою силою, что когда, позднѣе, Генрихъ VIII хотѣлъ отдѣлиться отъ папы, то онъ этого достигъ безъ труда, потому что половина націи уже была приготовлена къ реформѣ: нельзя же, иначе, допустить, чтобы цѣлый народъ могъ перемѣнить свою религію по одному лишь велѣнію своего короля, въ особенности, когда преемники этого короля, поочередно вводили и отмѣняли то, что было прежде установлено. Если реформа и распространилась съ такою быстротою въ Англіи, такъ это именно потому, что Виклефъ и Лолларды дѣйствительно успѣли возбудить сильное расположеніе къ ней въ массѣ націи. Кровавая реакція Маріи Тюдоръ не произвела никакого измѣненія.

Въ *15мъ вѣкѣ*, три славные реформатора были заживо сожжены, а это служитъ доказательствомъ, что Іерархія очень сильно чувствовала опасность и находила необходимымъ, посредствомъ казней — пріостановить реформу, которая всё подвигалась впередъ, подобно воздымающемуся приливу морскому. Эти три реформатора были: *Іоаннъ Гуссъ, Жеромъ Пражскій*, погибшіе въ Констанцѣ, и *Жеромъ Савонаролла* сожженный во Флоренціи.

Наконецъ, въ *16мъ вѣкѣ*, въ 1512 году, въ Парижѣ, за пять лѣтъ до Лютера, *Яковъ Лефевръ д'Етапль* (Jacques Lefèvre d'Etaples), профессоръ въ коллегіи кардинала Лемуана (Lemoine), издалъ и посвятилъ приходскому священнику С. Жермена-де-Пре, Гюльому Брисонне (Briçonnet) свой комментарій на Св. Павла — первая книга, въ которой преподавалось великое ученіе создавшее реформу — *Оправданіе вѣрою* — Justification par la Foi.

Между тѣмъ какъ всѣ эти люди трудились надъ приготовленіемъ реформы, Католическая Церковь сама, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, вызывала

ce всѣми силами. *Николай де Клеманжъ* и, въ особенности, канцлеръ Парижскаго Университета, *Жерсонъ*, неутомимо требовали реформы Церкви въ *ея главѣ и въ ея членахъ.* Это столь рѣшительное выраженіе обошло весь свѣтъ и было въ устахъ каждаго. Даже Соборы, какъ Вѣнскій въ 1311, Констанскій въ 1414, Базельскій въ 1431, Трентскій отъ 1543 до 1562 гг., провозглашаютъ необходимость реформировать Церковь въ *ея главѣ и въ ея членахъ.* Трудно изобразить до какой степени дошли злоупотребленія.

Во избѣжаніе всего, что могло бы казаться слишкомъ смѣлымъ, мы будемъ говорить только съ доказательствами въ рукахъ, цитируя факты, даже не давая имъ оцѣнки. Вотъ мнѣніе однаго знаменитаго Іезуита, ученаго кардинала *Беллармен'а*, выраженное имъ въ одной проповѣди по поводу изъясненія причинъ столь сильнаго развитія ереси Лютера, — „Нѣкоторое время до ересей Лютера и Кальвина, по свидѣтельству современныхъ писателей, въ церковныхъ судахъ не было правосудія, ни дисциплины въ нравахъ духовенства, ни знанія священныхъ вещей, ни уваженія къ божескимъ предметамъ; почти не оставалось болѣе религіи.“ (Т. VI, проповѣдь XXXVIII).

По какому же, наконецъ, поводу разразилась давно скопившаяся гроза? Это было — *продажа индульгенцій.* Напомнимъ, что̀ такое индульгенція. При исповѣди католика, духовникъ его имѣетъ право, (и онъ имъ часто пользуется) возложить на него, въ покаяніе, извѣстныя наказанія, какъ условіе разрѣшенія, прощенія. Но мало по малу ввелся обычай требовать приношенія (aumônes — подаяніе, милостыня) въ покаяніе. Перемѣну покаянія (pénitence) въ подаяніе назвали индульгенціею. Незамѣтнымъ образомъ вошло также въ обычай примѣнять индульгенціи не только къ церковнымъ и дисциплинарнымъ наказаніямъ, но также и къ наказаніямъ душъ въ чистилищѣ послѣ земной жизни. Наконецъ, въ третьемъ развитіи этой самой идеи, дозволено было примѣнять индульгенціи

къ упокоенію душъ умершихъ родныхъ или друзей. И въ этомъ случаѣ Церковь примѣняетъ излишекъ заслугъ сверхъ необходимыхъ у одпаго человѣка-къ недостающимъ заслугамъ у другаго. При всемъ томъ, такъ называемое *сокровище индульгенцій* никогда не можетъ истощиться, такъ какъ оно возсоединяетъ въ себѣ сверхзаслуженныя дѣянія всѣхъ святыхъ, добродѣтели Маріи и безконечныя заслуги самого Іисуса Христа.

Вотъ что такое индульгенціи. Римская Церковь, въ Лютерову эпоху, сильно нуждалась въ деньгахъ. На папскомъ престолѣ тогда возсѣдалъ князь изъ знаменитаго дома Медичисовъ, *Левъ* X, человѣкъ высокомѣрный, свѣтскій, легкомысленный, имѣвшій весьма развитый вкусъ къ искуствамъ и пышности. Онъ хотѣлъ докончить построеніе Церкви Св. Петра въ Римѣ, величайшей въ мірѣ, увеличить ее до громадности: она должена была занять все пространство того цирка, на которомъ первые Христіане были мучены. Колоссальные размѣры зданія требовали огромныхъ суммъ денегъ, и Римскій дворъ рѣшился зайти слишкомъ далеко въ продажѣ индульгенцій. Сами церковные историки сознаются, что были большія злоупотебленія. Изъ города въ городъ, въ церквахъ открывались конторы, обозначаемыя большимъ краснымъ крестомъ, въ которыхъ продавались индульгенціи. Въ Германіи, знаменитый доминиканецъ *Тецель* провозглашалъ, что въ туже минуту, когда монета падала въ ящикъ, душа ею искупаемая улетала изъ чистилища въ рай. Эта торговля приняла чрезвычайные размѣры и была причиной великаго соблазна. По этому-то именно поводу и разразился Лютеръ въ своемъ негодованіи.

Лютеръ былъ монахомъ Августинскаго ордена, и пережилъ великіе внутренніе религіозные кризисы. Посланный своимъ братствомъ въ Римъ, для приведенія въ порядокъ какого-то спорнаго дѣла, онъ глубоко вознегодовалъ при видѣ злоупотребленій и распу-

щенности нравовъ Римскаго двора, а продажа индульгенцій окончательно возмутила его благородныя чувства.

Въ 1517 г., на канунѣ праздника, сзывавшаго въ Виттембергъ на богомолье большую толпу народа, Лютеръ привѣсилъ на дверяхъ Церкви *девяносто тезъ*, относительно продажи индульгенцій. Изъ нихъ мы приведемъ только первую:

„Когда нашъ Учитель и Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: „Кайтесь,“ Онъ этимъ выражаетъ желаніе, чтобы вся жизнь его послѣдователей на земли была постояннымъ и безпрерывнымъ покаяніемъ.“

Вотъ та нравственная жизнь, постоянный трудъ улучшить и переработать себя, предлагаемая Лютеромъ, вмѣсто всего матеріализма католическаго. Здѣсь дѣло не въ индульгенціяхъ и не въ „opus operatum,“*) а въ желаніи, стремленіи къ возстановленію, освященію и безпрерывному покаянію въ глубинѣ сердца. Всѣ остальныя тезы проникнуты тѣмъ же духомъ и глубокимъ чувствомъ религіи и нравственности. Въ нихъ вся Реформа.

Лютеръ былъ пораженъ, какъ бы совершенно новой для него идеей, найдя въ Св. Писаніи слова: „Праведный будетъ жить вѣрой (или праведный да живетъ вѣрой).“ Въ этомъ нѣтъ ничего католическаго: праведный, или лучше, святой католикъ долженъ жить признаніемъ авторитета, подчиненіемъ авторитету, изъ котораго онъ извлекаетъ свою религіозную сущность substance. — Напротивъ, индивидуальная вѣра, это — религіозное чувство, возвышенное до его высочайшаго и чистѣйшаго выраженія въ союзѣ съ Богомъ. И такъ, центръ тяжести религіозной жизни былъ сдвинутъ, перемѣщенъ Лютеромъ: вмѣсто Римя онъ оказался въ сознаніи каждаго, въ глубинѣ всякой вѣрующей души, — и съ тѣхъ поръ, какъ справедливо было замѣчено, *всякій протестантъ съ Библіею въ*

*) См. стр. 26.

рукъ-есть папа. Съ тѣхъ поръ оказалось, что всякій имѣетъ внутри себя, въ совѣсти своей, всё необходимое для истинной жизни религіозной, всё что составляетъ права лица передъ Богомъ.

Есть люди, которыхъ тревожитъ мысль, что Реформа была матерью всѣхъ вольностей: они какъ бы испуганы такой славой и желали бы, чтобы Реформа не зарождала столько свободы. Но Реформа произведетъ еще многіе другіе плоды свободы: она еще не окончила своего дѣла; изъ признанныхъ правъ человѣка передъ Богомъ истекаютъ многія другія права; но желательно, чтобы всякая свобода, опирающаяся на протестантскомъ принципѣ, была проникнута тѣмъ же духомъ и тѣмъ же уваженіемъ къ Богу. При ограниченіи глубокой и полной покорности Богу, никакая свобода не опасна. *Въ дѣлѣ совѣсти*, мы не хотимъ повиноватся ни одному человѣку, потому что мы повинуемся Богу; мы желаемъ имѣть много свободы, для принесенія ея къ стопамъ Божіимъ; когда всѣ виды свободы будутъ имѣть такой характеръ, отъ нихъ можно будетъ всего надѣеться, а опасаться нечего.

Ни одна, однакожь, революція не можетъ избѣгнуть упрека въ жестокости, или по крайней мѣрѣ, въ преувеличеніи, — и Реформа не обошлась безъ нихъ; но въ чемъ состояли онѣ?

Реформа, происходя отъ догмата — оправданіе вѣрой, имѣла свои крайности, и эти крайности выразились въ *догматическихъ преувеличеніяхъ.*

Оправданіе есть актъ, процесъ (procédé), развитіе, посредствомъ котораго человѣкъ становится праведнымъ. Это оправданіе, однакожь, совершается внутреннимъ дѣйствіемъ, а не внѣшнимъ средствомъ или авторитетомъ извнѣ. Лютеръ, противодѣйствуя католическому авторитету, слишкомъ увлекся: онъ видѣлъ, что деньгами выкупались свои собственные грѣхи и чужіе, и что всё сводилось къ уплатѣ денегъ. Святая Бригитта говорила, что въ Римѣ всѣ запо-

вѣди Божіи были замѣнены только одною: „Принесите денегъ и много денегъ," — и это-свидѣтельство святой Католички, слѣдовательно оно не можетъ быть заподозрѣно. Лютеръ, рѣшившись противодѣйствовать этой тенденціи, дошелъ до того, что отрицалъ всякое участіе человѣка въ его собственномъ спасеніи. Онъ объявилъ, что добрыя дѣла — ничто́, не имѣютъ никакой заслуги передъ Богомъ, и что одна только вѣра насъ оправдываетъ и спасаетъ: онъ преувеличилъ это ученіе до отрицанія свободы человѣка, и даже издалъ, въ опроверженіе свободной воли, книгу, пріобрѣвшую печальную извѣстность, подъ названіемъ: *De servo arbitrio*, въ которой онъ объявилъ, что человѣкъ несвободенъ. Іезуиты отвѣтили Лютеру, и на этотъ разъ они были правы, доказавъ, что человѣкъ свободенъ, что онъ долженъ избѣгать зла, имѣя возможность его не дѣлать, и что онъ долженъ дѣлать добро, потому что можетъ.

Что касается *Кальвина*, то и онъ также далеко зашолъ. Основательно изучивъ права̀, онъ былъ напитанъ легальными, буквальными тенденціями, свойственными римскому праву. Онъ создалъ систему, образцовое произведеніе послѣдовательности, логики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нелѣпости, потому что онъ не принялъ въ расчотъ главныхъ элементовъ жизни религіозной, которые должны были войти въ эту систему.

Вотъ *четыре* главные пункта этой системы:

1. *Коренная порча* всѣхъ людей: всякъ будучи совершенно злымъ, ни одинъ не можетъ быть лучше другаго; Адамъ согрѣшилъ, и въ немъ согрѣшили всѣ люди; мы всѣ рождены виновными въ наслѣдственномъ грѣхѣ; сыны возмущенія, достойные проклятія, — мы рождаемся осужденными, а чтобы быть осужденнымъ, человѣку даже не необходимо родиться!

Отсюда коренная немощь человѣка къ добру и невозможность для него даже сотворить добрую молитву, если самъ Богъ не молится въ немъ и за него.

Это ученіе не было ново, и принадлежало не одному Кальвину: *Св. Августинъ* выдумалъ его и проповѣдывалъ гораздо прежде Кальвина. Напрасно возражали ему, приводя въ примѣръ справедливость Аристида, нравственность Сократа, — Св. Августинъ вывертывался, говоря, что то были грѣхи прекраснѣе другихъ, *splendida peccata*, какъ будто грѣхъ можетъ когда либо быть прекраснымъ, и будто называть грѣхомъ то, что сознаніе находитъ добрымъ, не есть насиліе совѣсти.

2. *Предопредѣленіе и избраніе.* Всѣ люди будучи одинаково злыми, Богъ отъ вѣчности избралъ между ними только нѣкоторыхъ ко спасенію, и не потому, впрочемъ, что они имѣютъ высшую заслугу, но по дару Божьему, чисто произвольному; а объ избранныхъ Богъ Самъ заботится, чтобы содѣлать ихъ блаженными, да прославится Онъ ихъ блаженствомъ, какъ прославленъ вѣчнымъ несчастіемъ другихъ.

3. Но даже и для того малаго числа избранныхъ нужно, чтобы заслуженныя ими наказанія были перенесены кѣмъ нибудь: потому-то Іисусъ Христосъ, второе лице Св. Троицы, и вытерпѣлъ на крестѣ, впродолженіи шести часовъ, сумму нравственныхъ и физическихъ страданій, равную той, которую должны бы перенести, въ продолженіе цѣлой вѣчности, каждый изъ избранныхъ и совокупность всѣхъ избранныхъ. Впродолженіе шестичасоваго времени, обремененный грѣхами всѣхъ избранныхъ, Христосъ былъ въ буквальномъ, а не въ переносномъ смыслѣ, проклятъ Богомъ. — Этотъ догматъ называется: *замѣненіе избранныхъ Христомъ*, или *вмѣстное удовлетвореніе* (Substitution du Christ aux élus ou la satisfaction vicaire), въ томъ смыслѣ, что Іисусъ, замѣняя ихъ, искупилъ ихъ грѣхи, и тѣмъ самимъ удовлетворилъ за нихъ закону.

Слово „вмѣстное удовлетвореніе“ также дико, какъ и самое дѣло.

4. Наконецъ, какимъ образомъ избранные поль-

зуются смертью Іисуса на крестѣ? *Вѣрою.* Но даже и эта вѣра не исходитъ отъ нихъ: ее даруетъ имъ самопроизвольно Св. Духъ. Посредствомъ этой вѣры они присоединяются къ жертвѣ и усвоиваютъ заслуги Іисуса Христа; но ее вселяетъ въ нихъ Св. Духъ: она одна́ ихъ спасаетъ, дѣла же, ея внѣшнія проявленія, нисколько не содѣйствуютъ ко спасенію.

Вся система Кальвина сводится къ *коренной порчѣ, предопредѣленію, вмѣстному удовлетворенію* и, наконецъ, къ *вѣрѣ даруемой свыше.*

Еслибы всѣ вѣрившіе въ эти доктрины были логичны, то каждый изъ нихъ могъ бы себѣ сказать: „Если у меня нѣтъ вѣры, а я не способенъ датъ ее себѣ, то подожду пока Св. Духъ ниспошлетъ мнѣ ее; если же онъ мнѣ ея не даруетъ, то буду неизбѣжно осужденъ. И такъ, слѣдовательно, я нахожусь въ совершенной невозможности что либо измѣнить въ этомъ. *Станемъ же наслаждаться удовольствіями жизни: можетъ, завтра умремъ.*

Столь суровая догматика, кажется, должна бы граничить съ отсутствіемъ всякой морали и религіи. Ничего подобнаго, однакожь, не было. Отцы наши, кальвинисты, были благочестивы, нравственны и религіозны, и это-потому, что формулы, логика и системы не производятъ на души того дѣйствія, какое многіе воображаютъ. Общій духъ всякой Церкви имѣетъ на жизнь болѣе вліянія, нежели крайнія послѣдствія, которыя можно выводить изъ ея ученій. Потому-то и Кальвинизмъ, который могъ логически довести до отчаянія и забытья всякого долга, былъ, однакожь, весьма строго-нравственнымъ и глубого-религіознымъ. Можетъ даже, никогда и не было ни однаго вполнѣ послѣдовательнаго Кальвиниста.

Система Кальвина была нелѣпа, чрезмѣрна, и между тѣмъ, она содержитъ въ себѣ великія начала истины; но Кальвинъ доведя свои доктрины до преувеличенія, тѣмъ самимъ лишилъ ихъ Евангельской простоты, придалъ имъ судебную суровость, и составилъ

изъ нихъ систему вмѣстѣ метафизическую и легальную, которая уже не имѣетъ въ себѣ ничего религіознаго. Кальвинъ, впрочемъ, имѣлъ великую душу и былъ проникнутъ религіею, — но изъ чрезмѣрнаго желанія умствовать, оскорбилъ религіозное чувство, пренебрегъ имъ, того самъ не замѣчая.

Кальвинъ, къ сожалѣнію, на этомъ не остановился: онъ примѣнилъ свою систему къ дѣлу, настаивая и поучая, чтобы Правители наказывали ересь мечемъ. Онъ вовсе не училъ, что несправедливо жечь еретиковъ, а говорилъ: „Вы неправы жечь *тѣхъ-то*, потому что они въ истинѣ;“ (?) и когда *Серве* (Servet) прибылъ въ Женеву, Кальвинъ, по своей немилосердой логикѣ, велѣлъ жечь его. Сдѣлалъ же онъ это вовсе не потому, чтобы любилъ проливать кровь, но потому, что предавшись душою легальной логикѣ, онъ былъ увѣренъ, что исполняетъ священную должность судьи, и считалъ себя мстителемъ Бога.

Признавая за всѣми Протестантами право безпрерывно упрекать Кальвину за сожженіе Серве, мы, однакожъ, не можемъ признать того же права за Католиками: Серве убѣжалъ въ Женеву изъ Вѣнской тюрьмы, гдѣ онъ былъ заключенъ вслѣдствіе обвиненія и осужденія его *католическимъ судомъ* за тоже преступленіе къ тому же наказанію на кострѣ. Эта смерть, слѣдовательно, вмѣняется обѣимъ Церквамъ въ преступленіе одинаковое, хотя и несравненно болѣе безславное для реформированной Церкви, нежели для Церкви авторитета, которая своими же принципами осуждена на безжалостную логику. Не должно, однакожъ, слишкомъ удивляться преступленію Кальвина; стоитъ только вспомнить вышеприведенное правило (стр. 7), что человѣкъ, переходя изъ одной религіи въ другую, всегда удерживаетъ кое-что изъ своихъ прежнихъ идей. Осуждая Серве, Кальвинъ дѣйствовалъ еще, и невольно, какъ католикъ.

Кальвинъ былъ великій реформаторъ, но и онъ внесъ въ Реформу многое изъ католицизма: это была

какъ бы старая закваска; и не новый, но прежній еще принципъ проявлялся и дѣйтвовалъ въ немъ.

Что-же стало, наконецъ, съ системой Кальвина, на ужасныя послѣдствія которой мы не поколебнулись указать? Никто ей болѣе не вѣритъ: нѣтъ человѣка, который бы вѣрилъ теперь въ четыре догмата, изложенные нами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ формулировалъ самъ Кальвинъ. Кальвинисты невольно смягчаютъ и ограничиваютъ ученіе своего учителя; они уже не придаютъ этому ученію варварскаго смысла, какъ въ 16 и 17 столѣтіяхъ, — и можно утвердительно сказать, какъ о фактѣ, что теперь не существуетъ ни одинъ *точный* послѣдователь Кальвина. Еслибы костеръ Серве еще теперь пылалъ, мы бы *всѣ* попали въ него, и заслужили бы такого наказанія по закону Кальвина. *Всякій протестантъ есть неисправимый еретикъ*, и возблагородаримъ за это Бога! Мы всѣ разнствуемъ между собою въ нѣкоторой степени; много и такихъ между нами, которые, по своимъ вкусамъ, потребностямъ, стремленіямъ, болѣе расположены возвратиться къ старому порядку вещей, нежели итти впередъ къ новому, пугающему ихъ; есть также люди считающіе себя *правовѣрными*, и они дѣйствительно таковы въ томъ смыслѣ, что стремятся болѣе къ правовѣрію; но если они утверждаютъ при томъ, что сообразуются съ вѣрованіями Кальвина, то ихъ право называться правовѣрными не мыслимо. Еще есть направленія, тенденціи къ этимъ вѣрованіямъ, но слава Богу, суровость Кальвинистскаго ученія уже нигдѣ не существуетъ болѣе.

Если хотятъ возстановить авторитетъ и положить новыя преграды въ протестантизмѣ, то нѣтъ выбора, нѣтъ причины ставить ихъ въ одномъ мѣстѣ преимущественно передъ другимъ: одни-сдвигаютъ ихъ съ одной стороны, другіе-расширяютъ съ другой; тогда какъ въ Протестантизмѣ нѣтъ солидной основы, на которой можно бы воздвигнуть такія преграды.

Св. Павелъ говорилъ: „единственное основаніе,

которое можетъ быть положено (въ религіи), есть Іисусъ Христосъ." Относительно же толкованій человѣческихъ мы свободны: преграды намъ противопоставляемыя не удержатся, первый толчекъ опрокинетъ ихъ, и мы, протестанты, должны оставаться вѣрными нашему принципу и не возстановлять преградъ разрушенныхъ нашими отцами. Св. Павелъ говорилъ Галатамъ: „ибо ежели я вновь строю что разрушилъ, то самъ себя обнаруживаю преступникомъ." (Гал. II, 18). Вотъ что̀ долженъ говорить себѣ протестантъ каждый разъ, когда покушается, не говоримъ снова зажечь костеръ, но воздвигать какую нибудь преграду.

Наше право и наша обязанность — отличать въ реформаторахъ *освободителей* отъ *теологовъ* (богослововъ). Лютеръ, Кальвинъ и Цвингли оказали неисчислимыя услуги свободѣ совѣсти и разума: они занимаютъ важное мѣсто въ исторіи, потому уже, что дерзнули мыслить въ такое время, когда отрицалась свобода мысли; они имѣли совѣсть, и высказали ее; они освободили человѣка изъ подъ ига авторитета; они положили начало эры человѣческой свободы; они снова привели въ движеніе отставшій христіанизмъ: отнынѣ никто его уже не остановитъ. Мы должны отличать, кромѣтого, совершенный ими огромный переворотъ и возвращенныя ими права, отъ самаго примѣненія ихъ ученія въ его крайностяхъ.

Теперь, по истеченіи трехъ вѣковъ, намъ не слѣдуетъ забывать свое *прошедшее* и заключиться въ предѣлы оставленные отцами нашими: подобно имъ, мы имѣемъ право перенести эти предѣлы далѣе, или, если желаемъ ихъ удержать, такъ развѣ только какъ памятникъ славы, благочестія и заблужденій нашихъ отцевъ.

Наша Церковь *не исключительна:* это и составляетъ ея огромное преимущество: она даже не имѣетъ надобности объявлять объ отверженіи чего либо, посредствомъ оффиціальнаго авторитета: какъ только что нибудь оказывается ложнымъ, оно уже этимъ

самимъ отвергается. Мы не прикованы къ нашему прошедшему, и развалины истекшихъ вѣковъ не загораживаютъ намъ пути; прошедшее служитъ лишь исходной точкой: намъ остается только отвергать то, что оказывается ложнымъ.

Отсюда истекаетъ большое *разнообразіе* во всѣхъ мнѣніяхъ протестантскихъ. Этого, однакожь, не должно пугаться. У насъ нѣтъ той жажды, той слѣпой страсти къ *единству*, къ *централизаціи*, которыми одержима римско-католическая Церковь, и которыя составляютъ одинъ изъ недостатковъ французскаго ума. Въ нашемъ отечествѣ, во Франціи, хотѣли централизовать всё, — и всё что не прикрѣплено къ центру, служитъ у насъ предметомъ удивленія, недовѣрія и даже опасенія. Если многіе и трудились такъ долго надъ уничтоженіемъ протестантизма и затопленіемъ его въ крови, такъ это было во имя великаго религіознаго единства. Лувуа, министръ Людовика XIV, писалъ: „Король желаетъ, чтобы всѣ его подданные исповѣдывали его религію. И общественное мнѣніе не удивилось, когда военный министръ употребилъ въ дѣло драгонады, для возстановленія военнымъ порядкомъ единства вѣры. Король имѣлъ свою религію, свою совѣсть, которыми и должна была довольствоваться вся Франція; а если кто нибудь вздумалъ бы имѣть иную религію, иную совѣсть, отличныя отъ королевскихъ, тотъ считался бы нарушителемъ порядка и великаго единства католическаго и королевскаго.

Наши отцы оказали великія услуги не только Франціи, но и цивилизаціи, роду человѣческому и будущности, сохранивъ, не смотря ни на Лувуа, ни на дрогонады, *протестацію совѣсти*, съ самой Варѳоломеевской ночи и до послѣднихъ мучениковъ, сосланныхъ на галеры въ царствованіе Людовика XIV.

Наши отцы заслужили благодарность отечества за то, что отстояли на дѣлѣ права личной совѣсти, противъ короля и націи, духовенства и Церкви.

Признавая за отцами нашими столь важныя заслуги, мы должны продолжать ихъ дѣло, и въ свою очередь, поддерживать два великіе принципа протестантскіе: *Евангеліе какъ основаніе*, какъ точку исхода, и *свободу* (совѣсти), которая есть наше неотъемлемое право и составляетъ нашу славу, — какъ методу — правило.

Кто признаетъ точкой исхода — Евангеліе, тотъ опирается на основаніе и на сущность религіи; что же касается самой формы, то, въ этомъ отношеніи, онъ можетъ толковать и развивать Евангеліе по своей совѣсти, — какимъ образомъ, до этого никому дѣла нѣтъ: онъ намъ *братъ*, онъ *протестантъ* съ той минуты, когда принимаетъ Евангеліе за основаніе, и свободу какъ средство.

Мы, протестанты, должны сознавать вполнѣ отвѣтственность, которую беремъ на себя въ этомъ отношеніи; въ нашемъ же отечествѣ на насъ лежитъ особая отвѣтственность. Богъ вручилъ нашимъ отцамъ знамя, на которомъ начертаны слова: *Евангеліе* и *свобода*: напрасно всѣ власти монархической Франціи соединились противъ этого знамени; отцы наши бодро отстаивали его, и на кострахъ, и въ тюрьмахъ, галерахъ и въ пустыни. Они его намъ завѣщали: мы должны нести его неизмѣнно, не допуская паденія въ прахъ, и воздружая такъ высоко, чтобы весь свѣтъ могъ его видѣть. — Въ наше время, въ душѣ человѣка ощущаются все живѣе и сильнѣе внутреннія религіозныя потребности. Царство Вольтера окончилось; если оно иногда и воскресаетъ, если насмѣшливое, дерзкое безвѣріе иногда исходитъ изъ пустаго гроба Вольтера въ Пантеонѣ, и снова является среди людей, такъ это только потому, что абсолютизмъ и обскурантизмъ *) снова вызвали его, дали ему право показаться. Когда въ мірѣ еще торжествуютъ нетерпимость, вражда противъ мысли, противъ свободнаго

---

*) Умопомраченіе.

изслѣдовонія — этой первой потребности души человѣческой; тогда-то Вольтеръ и выходитъ изъ своего гроба. А для того, чтобы онъ въ немъ оставался, намъ слѣдуетъ только показать, что Евангеліе и свобода не только не противорѣчатъ одно другой, но вполнѣ между собой согласны, и что мы умѣемъ *слить свободу съ порядкомъ.* Порядокъ и свобода — это два полюса протестантизма, два начала, создавшія нашу Реформу.

Мы живемъ въ вѣкѣ любознательности; множество людей желали бы узнать что такое протестантизмъ, и найти въ немъ великое и прекрасное; *людямъ нужна религія,* они чувствуютъ потребность, необходимость вѣрить во что-нибудь, и желаніе присоединиться ко своимъ братьямъ для того, чтобы любить, надѣятся, молиться. Между тѣмъ, нельзя забыть, что римско-католическая религія порабощаетъ посредствомъ авторитета; что римско-католическая Церковь есть не только величественное зданіе, но въ то же время и могущественнѣйшій механизмъ для порабощенія душъ и для поглощенія личности: нѣтъ болѣе солиднаго и лучше устроеннаго орудія для *удержанія* порабощенныхъ душъ. Но души не хотятъ болѣе пребывать въ рабствѣ: онѣ стремятся къ Богу и не хотятъ болѣе итти по путямъ указываемымъ человѣческими авторитетами. Вотъ почему въ нашемъ вѣкѣ есть много людей, которые въ душѣ протестанты: изъ нихъ одни смѣло выражаютъ свое убѣжденіе и идутъ до конца; другіе-же, болѣе многочисленные, — тоже протестанты, хотя въ томъ и не сознаются: они протестанты именно потому, что желаютъ Евангелія и не могутъ обойтись безъ свободы.

Мы измѣняемъ нашему дѣлу, когда съуживаемъ понятія о протестантизмѣ, и если ограничиваемъ въ чемъ либо свободу совѣсти. Если же, напротивъ, мы покажемъ нашимъ собственнымъ примѣромъ, что протестанты глубоко религіозны и въ тоже время дѣйствительно свободны, что протестантизмъ не есть *отрицаніе*

религіи, но утвержденіе ея; если, кромѣ того, благочестіе сердца, мягкость нрава, чистота совѣсти-проявляются во всѣхъ обыденныхъ актахъ нашего человѣческаго существованія; и если, наконецъ, въ насъ вселенъ духъ истинно христіанскій и мы показываемъ, что насъ не разнѣдаетъ жажда власти, и что мы ни въ чемъ не покушаемся на права ближняго; — тогда, и только тогда, признàютъ всѣ, что мы правы; тогда мы выиграемъ въ сочувствіи Франціи, болѣе нежели думаютъ вообще; а если бы мы потеряли это сочувстіе, то-по нашей же ошибкѣ, и мы глубоко провинились бы предъ Богомъ.

Да не приметъ никто изъ насъ отвѣтственности на себя сказать ближнему: „*Или вѣруй, какъ я вѣрую, или вовсе не вѣруй; поклонись Богу подобно мнѣ, или вовсе не поклоняйсь*; но скажемъ: Ищите въ Евангеліи, читайте его, найдите въ немъ то, чтò Богъ вамъ покажетъ, что глаза ваши увидятъ, и предоставьте всѣмъ свободу оцѣнки и толкованія.

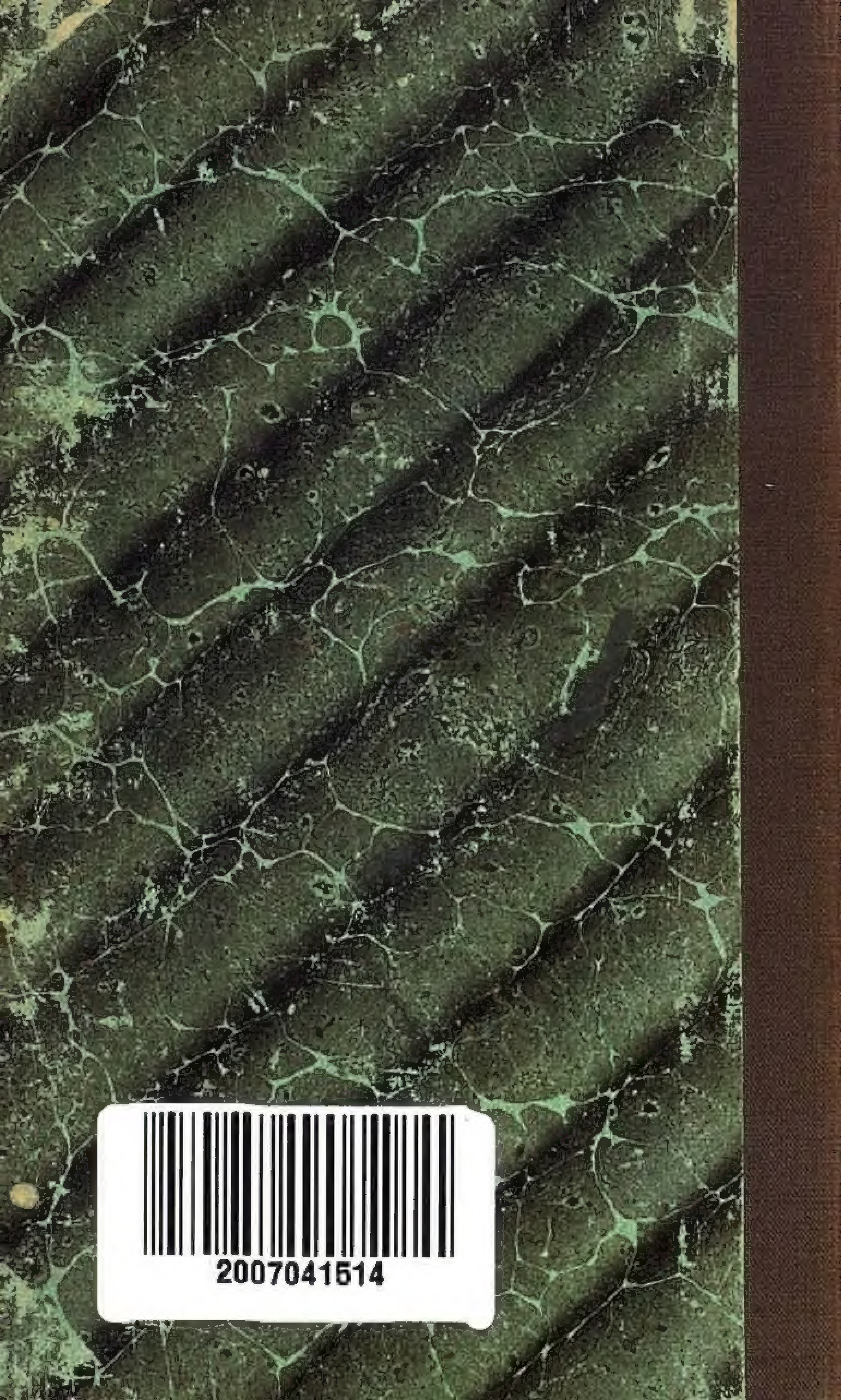
Тогда вы будете вѣрны духу І. Христа, Св. Павла, многочисленныхъ реформаторовъ, величайшихъ, святѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, бывшихъ представителями Реформаціи во всѣ времена.

Мы заключимъ однимъ изъ тѣхъ изрѣченій, которое содержитъ въ себѣ не толко великую похвалу (и мы имѣемъ право, не колеблясь, принять ее для нашей свободной Церкви), но и въ тоже время-строгое предостереженіе (и это должны мы энергически примѣнять къ себѣ), — Іисусъ, именно, скзалъ своимъ ученикамъ на горѣ, Іисусъ и нынѣ говоритъ намъ самимъ, пребывающимъ между невѣріемъ и обскурантизмомъ: „Вы соль земли; но если соль утратитъ свой вкусъ, чѣмъ возвратится онъ ей?“

КОНЕЦЪ.

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.

2007041514